

И
ТОМ

ДЕСЯТЬ СЕКУНД

ТРОНА

Гильмутдинов Ирек

Ирек Гильмутдинов Десять секунд до трона. Том первый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72966502

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы править миром, его сначала нужно спасти. От себя самого.

Они называют это «Естественным отбором». Бросить зёрна в благодатную почву и ждать, какое прорастёт и станет императором планеты. Никакого вмешательства. Только "наблюдение". Игорь – такое зёрнышко. Но он пророс не во дворце, а в обычной деревне, жительница которой нашла его в лесу.

Его жизнь – череда приключений, добытых в бою с тварями из недр планеты и в дуэлях с баронами, которые видят в нём лишь досадное недоразумение. С ним братство изгоев и странный артефакт, который шепчет ему в момент смерти: «Петля активирована».

Но когда друзья Игоря начинают гибнуть по-настоящему, он понимает: чтобы спасти всех, ему нужно не просто победить. Ему нужно совершить невозможное – объединить враждующие кланы и взять власть, к которой, как выясняется, его готовили

с пелёнок. Последний вопрос, который он задаст себе перед решающей битвой: а те, кто "посеял" его здесь, готовы ли принять урожай?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	47
Глава 4	66
Глава 5	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ирек Гильмутдинов

Десять секунд до трона. Том первый

Название: «Петля: Иной Узор» том второй

Автор(-ы): Гильмутдинов Ирек

Ссылка: <https://author.today/work/529256>

Глава 1

«Петля: Иной Узор» Том второй

Мир – это верстак. Реальность – узор, сплетённый из нитей судьбы, времени и выбора.

Игорь, некогда бывший каторжник, застрявший в бесконечном цикле смерти и возрождения, теперь владеет ключом к этому станку. Его браслет «Итератор» и способность «Петля» позволяют ему не просто переживать моменты заново – он учится выдёргивать старые нити и вплетать новые, меняя сам рисунок происходящего. Он не игрок на чужом поле. Он – ткач, перекраивающий полотно своей судьбы.

Глава первая

Интерлюдия.

Двадцать три года тому назад.

Северное Королевство Дракенхольм всегда стояло особняком в летописях мира. Это царство вечных льдов, где солнце – редкий гость, а белый саван снега укутывает землю большую часть года. Жизнь здесь – это непрерывное испытание на прочность. Одиночка обречён. Даже группы, сбившиеся вместе ради тепла и защиты, редко переживают больше

одной зимы. Лютый холод, безжалостный голод и хищники с клыками острее ледяных сосулук – всё это быстро стирает с лица земли тех, кто объединился недостаточно крепко.

Поняв это, люди принялись сплачиваться в группы невероятных размеров, назвав себя кланами. Живые организмы в несколько тысяч, а порой и десятков тысяч душ, связанные кровью, клятвой и общей волей к жизни. Такие общины не строили города в привычном понимании жителей других королевств. Они возводили Хольды – неприступные крепости-поселения, высеченные из скал и спрессованного веками льда. Каждый Хольд принадлежал единственному клану, был его скелетом и плотью. Имя своё эти твердыни получили в честь Хольды – грозной богини зимних бурь и покровительницы очага. Люди верили, что, назвав свой дом её именем, они смогут умиловить снежную ярость и найти под её свирепым взором хоть какую-то защиту.

Над всеми кланами и их Хольдами возвышается Королева – Верховная Мать, Сигрид Эйрикссон, прозванная Железной Ветвью.

Но не думайте, что трон Дракенхольма – это наследственное ложе из мягких мехов. Суровые земли взращивают суровые законы. Правителя здесь не рожают – его избирают. На Собрании Ярлов, куда съезжаются вожди самых могущественных кланов, верховную власть оспаривают не титулами, а силой. Силой тела и остротой ума. Если женщина выходит на ритуальный круг и побеждает бросившего ей вызов

мужчину – не только в поединке, но и в словесном поединке мудрости, – такая валькирия по праву получает власть вершить суд и разрешать кровавые споры между кланами.

В прошлую зиму трон ледяных земель сменил владельца. Новым Конунгом была избрана Сигрид Железная Ветвь из рода Эйрикссон, ей было двадцать девять зим. Она вышла из знаменитого рода Эйрикссон, но ключевое слово здесь – «вышла». Так как закон Дракенхольма суров: сидящий на троне не может принадлежать ни одному из правящих кланов, дабы и тени мысли не возникло, что его решения будут склоняться в пользу родичей. Узнай кто о таком – смертельный вызов в круг чести будет брошен немедленно. Почему же именно она осмелилась вступить в схватку за престол?

Ответ кроется в её крови, но не в непосредственном родстве. Её личный род возвысился семь поколений назад. Её прямой предок, Эйрик Кровавый Клык, в горниле жесточайшей междоусобицы сумел сковать враждующие хольды единой волей и впервые принял титул Конунга над всеми землями Дракенхольма. Сигрид не унаследовала трон – она, третья в своей династии, завоевала его, доказав, что в её жилах течёт та же сталь, что и у основателя рода, а в груди бьётся сердце, способное быть самым мудрым и самым безжалостным. Теперь ей предстояло доказать это всем.

Трон из вулканического стекла был холоден даже сквозь толстую шкуру белого медведя. Сигрид сидела неподвижно,

словно одна из ледяных статуй, что украшали ниши зала, но внутри неё всё кипело. Со дня её избрания прошло немного времени, а могущественные кланы уже принялись с тихим, упорным шипением тянуть на себя одеяло власти, испытывая на прочность её волю и новые устои. Она, скрестив на коленях руки, чьи пальцы были сплетены в тугой узел, видела это в каждом взгляде, в каждой задержке с выполнением приказа. Ей претила эта мелочная возня. В её сердце, остуженном ветрами Дракенхольма, жила простая и жёсткая истина: лишь железное соблюдение законов предков, отлитых в жертвенной крови Эйрика Кровавого Клыка, способно выковать из этой груды буйных кланов настоящее величие. Не личное, а общее.

Тихий, почти бесшумный шаг нарушил ледяную тишину зала. К трону приблизился её теневой слуга, человек без имени, чьё лицо всегда скрывал капюшон из белой волчьей шкуры. Он опустился на одно колено, и его шёпот, был слышен только ей.

– Вести с периметра, конунг. К ярлам клана Морского Змея и Пылающего Клыка двадцать лун назад наведывались гости. Под «чужими шкурами». Как мне удалось выяснить к змеям гости с восточного королевства Зильбергруд, а к зубастикам с западного королевства.

Сигрид не шевельнулась, только её глаза, цвета ледяной воды, сузились.

– Что их интересовало?

– Как всегда, госпожа. Первое – сокровища в наших горах. Их алчность к кристаллам и ганию не утолить. Особенно к ганию – в их тёплых землях он редкая птица, а в наших горах спит в каждой второй скале. Второе... – шпион сделал едва уловимую паузу, – потерянные дети снегов.

В воздухе, казалось, похолодало ещё на градус. Дети снегов. Те редкие, почти мифические находки – младенцы, обнаруженные в ледяных пещерах, на перевалах, среди сугробов, где не ступала нога человека. Все знали саги: такое дитя, воспитанное людьми, становилось родоначальником новой ветви, носителем пробудившейся магии, потенциалом невиданной силы. Из них вырастали не просто маги, а светлые – легендарные герои, чьи имена вплетались в саги наравне с именами богов и великих героев, сражавшихся с монстрами, что живут в горах. Именно они часто становились конунгами. Таков был и её далёкий родич Эйрик Кровавый Клык.

Именно поэтому одним из первых её указов на Общем Собрании стал «Закон об обретенных». Все найденные дети без рода и племени должны передаваться под опеку Верховного правителя. Они будут воспитываться не как члены клана, а как дети всего Дракенхольма, дабы в будущем их сила служила не амбициям отдельного ярла, а процветанию всего королевства. Закон прошёл единогласно – яростное, шипящее единство страха. Ни один клан не желал видеть, как его извечный соперник обретает в своём логове такого живого талисмана силы и славы. Лучше уж отдать ребёнка в нейтраль-

ные руки, в руки той, что и так стоит над всеми.

Сигрид медленно выпрямила спину, её механическая длань с тихим щелчком разжалась. Тут стоит пояснить. В одной из схваток с тварями она потеряла руку, что впоследствии заменил артефакт, работающий на магии, а если быть точным, то на гании.

– Они приняли закон. Под печатями и клятвами на крови, – прошипела она сквозь зубы.

– Приняли, конунг, – подтвердил шпион, ещё ниже склонив голову. – Но соблюдают... не все. Из дальних хольдов – Кровавого Топора и Призрачного Волка – до сих пор не доставлено ни одного ребёнка, хотя слухи о находках ходили. А в клане Солнечного Оленя... поговаривают, будто ярл Фрейда растит мальчишку не от своего ложа, скрывая его лицо от посторонних. Говорят, у того глаза цвета грозового неба, какими не рождаются в наших краях.

Конунг поднялась с трона. Её тень, искажённая рогами светильников из кристаллического льда, гигантской и угрожающей легла на стену, испещрённую руническими письменами предыдущих правителей. В зале стояла тишина, нарушаемая одним далёким завыванием выюги в каменных горах бойниц.

– Напоминание, – произнесла Сигрид, и её голос, тихий и ровный, звенел, как сталь о лёд. – нужно отправить напоминание. Не на словах. На примере. Выбери того, кто нарушил закон с наибольшей наглостью. Того, чья вина не вызывает

сомнений даже у его союзников. Мы покажем, что значит «единогласно». Что в Дракенхольме есть только одна воля. Моя. И закон предков – её острё.

– Будет исполнено, – мужчина покинул зал, чтоб отправиться в хольд Зольталь, где правила Фрейда Златовласая.

Хольд Шварцфель, земли клана Железного Ворона. Поздний вечер.

Владычицей этих чёрных базальтовых стен и дымных кузниц была ярл Хельга, женщина пятидесяти зим. Лицо её представляло собой карту подвигов – паутина серебристых шрамов и древних ожогов, поверх которых синели ритуальные татуировки-обереги, защищавшие от жара горна и сглаза. Она встретила отряд в своей приёмной, где вместо ковров на стенах висели полированные доспехи, а воздух гудел от вечного, приглушённого гула молотов с нижних ярусов.

– Харди, – с хрипотцой от постоянного вдыхания дыма, проговорила она. Но чувствовалось в каждом слове, что она рада гостям. – Спасибо, что явился без промедления. Твоя прыть – как свежий ветер с перевала.

Вожак отряда, мужчина с лицом, обветренным до состояния старого дуба, опустил голову в почтительном кивке. За его спиной семеро воинов замерли, вытянувшись в струнку, но в их глазах светилось не просто повинование – обожание.

– Хельга, могло ли быть иначе, когда зовёт нас, простых воинов, наш любимый ярл? – Его ответ был выверен, как

удар клинка, но в нём не было раболепия, лишь искренняя преданность.

И этой преданности было не занимать. Хельгу не просто уважали – ею восхищались. За силу, с которой она могла выправить кривую заготовку голыми руками. За мудрость её решений у наковальни и на поле боя. И за ту странную, пленяющую красоту, которая так контрастировала с её роднёй. Среди голубоглазых и светловолосых родичей она была диковинкой: тугая коса цвета раскалённого угля, тёмная, почти оливковая кожа, будто впитавшая солнце иных земель, и огромные, глубокие глаза цвета влажной, плодородной земли. В суровом царстве льда она казалась тёплой иномиркой, и это делало её желанной, как легенда о лете.

Но покорить такую женщину на его памяти сумел всего один. Чужак, пришедший с метелью и попросивший укрытия. Человек, назвавшийся просто «Незнакомцем». Он не был из робкого десятка. На первом же пиру он одолел в кулачной потехе шестерых лучших бойцов клана. Назавтра ему бросили вызов на боевых топорах. Он принял его, играючи парировал смертоносные удары и, обезоружив соперника, не стал добивать.

«Убивать надо тварей в горах, а не добрых воинов за столом, – сказал он тогда, – а теперь тащи-ка вина, и побольше, – чем вызвал смех и уважение к себе». Он пробыл в хольде полгода, завоевав не только уважение, но и сердца. И сумел растопить лёд вокруг сердца самой Хельги. Их роман

был яростным и коротким, как вспышка в горне. А закончился он тем, что однажды утром Незнакомец, уже прозванный Бесстрашным, исчез. Прямо из самой её опочивальни, не оставив и следа. С тех пор ни одна попытка воинов клана добиться её расположения не увенчалась успехом. Её сердце, словно лучшая сталь, один раз закалённое, более не поддавалось перековке.

– Послушай, Харди, – Хельга встала, её тень, искажённая пламенем очага, заплясала на стене среди теней доспехов. – Ваш отряд славится отвагой и умением вычищать норы горной нечисти. Но сейчас дело иное. Мне донесли, что в ущельях Хромвара завёлся иной монстр. Одиночка. Неизвестной породы. Он уже скопил два патруля, что я посылала на разведку. Никто не вернулся. Потому я и вызвала тебя с рubeжей. Вопрос нужно решить. Быстро и наверняка.

Харди, не меня выражения лица, слегка сжал кулаки, и костяшки побелели.

– Мы выдвинемся с первыми лучами. Или раньше, если нужно.

– Другого ответа я и не ждала от тебя, – кивнула Хельга, и в уголке её губ дрогнула тень былой, нечастой улыбки. – Припасы уже собраны. Моя сестра(сводная) лично готовила их для вашего похода.

Тот час из-за двери вышла молодая женщина двадцати зим отроду. Её светлые волосы были заплетены в десяток тонких косичек, а взгляд был таким же острым, как у сестры,

но без слоя прожитых лет. Она горделиво вздёрнула подбородок.

– Провизия не замёрзнет даже в пасти ледяного дракона и не испортится за месяц пути, – отчеканила она. Готовить пищу для горного похода – целое искусство, требующее не меньшего мастерства, чем бой на ножах. В котором её старшая сестра была виртуозом, настоящей легендой своего клана и не только. Она же в свою очередь славилась готовкой еды, что уважалось не меньше. Выживание в их землях самое сложное, и те, кто в этом преуспел достойны неменьшего почтения.

– Это высокая честь для нас, ярл, – Харди с силой прижал заскорузлый кулак к нагрудной пластине своего доспеха. Жест был простым и красноречивым: «Жизнь и смерть – по твоему слову». За ним, словно эхо, последовали семь других стуков железа о железо. В тихом зале это прозвучало как клятва, отлитая из стали и верности.

Отряд развернулся, собираясь покинул зал, но Аксель, следопыт отряда, на прощание подарил Агнете сестре ярла свой браслет. К его, да и, к удивлению всех присутствующих, она его приняла. Это означало что если он вернётся с победой, то она станет его женщиной, а он её мужчиной. Новый союз, что принесёт новых членов клана. Дети ценились в кланах больше всего. Ведь чем больше клан, тем он сильнее.

Гора Хромвар. Спустя семь дней.

Отряд Харди вышел на след на шестой день и теперь вторые сутки неотступно следовал по нему. Чёткий отпечаток, повторявшийся через равные промежутки, не оставлял сомнений – тварь была одна. Но в этих оттисках не было ничего знакомого, ничего, что напоминало бы когтистую поступь витралиев. Значит, донесения говорили правду: монстр был иным, чужеродным, возможно, никогда прежде не ступавшим на эти склоны. И этот факт заставлял сердца биться чаще, а не замирать от страха.

Но как бы не храбрились воины, след вызывал тревогу. Каждый отпечаток был размером с щит воина, а глубина, на которую снег продавливался под ним, указывала на поистине чудовищную тяжесть. Но больше всего смущала походка. Временами цепочка следов упрощалась, будто тварь опускалась на четыре конечности, скачкообразно увеличивая расстояние между отпечатками. А дважды – у крутого подъёма и на краю расщелины – они ясно различали оттиски всех шести лап, расположенные в сложном, почти геометрическом порядке.

В отряде не водилось трусов. Люди закалились в бесчисленных стычках среди горных пиков, в тёмных ущельях и на бескрайних снежных равнинах. И сейчас в их глазах, прищуренных от яркого отражённого света, горел не страх, а азарт. Азарт охотника, вышедшего на зверя невиданной породы, чей трофей станет легендой, которую будут передавать у очага десятками зим. Даже если в глубине души где-то и

затаился страх, то только от одной мысли, что они попадут в легенды, весь страх сторал как уголь в кузнях.

Ближе к полудню цепочка следов привела их к чёрному, как провал в мироздании, зеву пещеры у подножия скалы. И тут зоркий глаз Аксея, лучшего следопыта клана, выхватил странность.

– Харди глянь, – он указал рукавицей в сторону от входа, – там, в сотне шагов. Следы. Но не те.

– Что там? Ещё один зверь? – Харди повернул голову, его брови, покрытые инеем, сдвинулись.

– Нет... Не зверь. – Аксель помотал головой, смущённо почёсывая за ухом. – Слишком большой, отсюда не разглядеть. Нужна высота.

Не теряя слов, он скинул с плеча верёвку и принялся карабкаться по замшелой скале, нависавшей над пологим склоном. Отряд замер, наблюдая, как его силуэт становится всё меньше, пока не скрылся за выступом. Тишину нарушало одно позвякивание амулетов на поясах да тяжёлое дыхание. Прошло около часа, прежде чем они снова увидели его, спускающегося вниз с сосредоточенным, озадаченным лицом.

– Ну, и что же там, следопыт? – Бродер, присев на корточки, не отрываясь жевал ломоть вяленой медвежатины, но взгляд его был острым и внимательным.

Аксель, спустившись, не стал говорить. Он отступил на ровную площадку и начал ногой, в тяжёлом меховом сапоге, выводить на снегу фигуры. Сначала – огромную, почти иде-

альную окружность. Затем к ней пририсовал длинный, узкий прямоугольник, размером вполовину круга. И наконец, по бокам от прямоугольника, с математической точностью изобразил четыре небольших овальных отпечатка с каждой стороны.

– Ничего подобного я ещё не встречал, – пробормотал Харди, нахмурившись и скрестив на груди руки. Он, как и все в отряде, были глубоко озадачены. Сам рисунок, изображённый Акселем, вызывал сомнения. Но вот только никто в его способностях никогда не усомнится. А значит всё так и есть.

Весь отряд, движимый неммым вопросом, прошёл к месту, указанному Акселем. И только встав в самом центре круга, они осознали его истинный масштаб. Отпечаток был колоссальным, диаметром в добрых пятьсот шагов, и обнаружить его с земли, без высоты, было практически невозможно. Снег в границах рисунка был спрессован в плотную, ледяную корку, будто здесь на миг опустилась неведомая тяжесть небесного происхождения.

– Будто сами боги спускались сюда на своём небесном драккаре, – наконец произнёс Даген, и его слова, вырвавшись белым облаком, повисли в морозном воздухе.

Глава отряда обвёл взглядом своих воинов, и в его глазах вспыхнул знакомый им всем огонь.

– Думается мне, братья мои так. Похоже, высшие силы соизволили нанести визит. Возможно только для того, чтобы

посмотреть, как воины клана Железного Ворона справятся с их строптивым творением.

В ответ на его слова воины издали низкий, хриплый смешок. Страх растворился, сменившись холодной, яростной решимостью. Их ухмылки стали хищными, почти радостными. Без лишних команд они проверили крепление топоров на поясах, натянули тетивы на своих коротких, мощных луках.

– Что ж братья, – усмехнулся Харди, снимая с плеча свою любимую секиру с навершием в виде вороньей головы. – Негоже заставлять таких гостей ждать. Покажем им настоящее горное гостеприимство. Глядишь на пирах припомнят нам и нальют мёда.

И, сбившись в тугой, привычный к взаимодействию клин, они шагнули в чёрный провал пещеры, где уже витал сладковато-гнилостный запах старой крови и чего-то ещё – металлического, холодного и совершенно неживого.

Отряд, углубившись в чрево пещеры всего на сорок шагов, застыл как один. Темнота здесь была не просто отсутствием света – она была плотной, вязкой субстанцией, которую, казалось, можно было разрезать ножом или ощутить ладонью как сопротивление. Холод, исходивший не от стен, а словно из самой сути этого места, пробирал глубже, чем горный ветер.

Двое воинов, стоявших на флангах, по молчаливому знаку главного чиркнули огнивами. Языки пламени с хрустящим

шипом взметнулись на промасленных факелах, отбрасывая на стены гигантские, кривые тени. И то, что открылось их взорам, заставило даже этих закалённых в боях мужей замереть в немом изумлении.

Во-первых, их встретила не ожидаемая картина логова: разбросанные кости, обрывки шкур, запёкшаяся в лёд кровь. Вместо этого – стерильная, ледяная пустота. Пол и стены, состоящие из векового синего льда, были идеально чисты и гладки, будто их только что выскоблили и отполировали. Взгляду не за что было зацепиться, кроме собственного искажённого отражения в этих ледяных зеркалах. Ни единого пятна, ни намёка на борьбу или пиршество.

Во-вторых, сама пещера оказалась неестественно правильной формы – огромная, почти идеальная полусфера, словно выдутая или выточенная в толще горы неведомым исполинским инструментом. Свод терялся в темноте высоко над головой, куда не доставал свет факелов.

В-третьих, пространство было пустым. Совершенно. Только в самом дальнем конце, там, где полусфера смыкалась со стеной, стоял одинокий предмет. Не груда камней, не гнездо из костей – плетёная корзина, аккуратная и чуждая этому ледяному безмолвию.

Охваченные жгучим, вопреки всякой осторожности, любопытством, воины медленно, сохраняя боевой порядок, двинулись вглубь. Шаги отдавались гулким, чистым эхом. Подойдя ближе, они заглянули внутрь.

И то, что они увидели, заставило суровые, иссечённые морозами и битвами лица мужей изменить выражение. Углы губ, привыкшие сжиматься в оскал или усмешку, дрогнули, а затем неудержимо поползли вверх, растягиваясь в непривычные, почти детские улыбки.

В корзине, бережно завёрнутое в одеяло цвета морской волны, спало дитя. Младенец. Его лицо, озарённое трепещущим светом факелов, было умиротворённым и... до жути знакомым. Тёмные ресницы, лёгкий румянец на щеках, рыжеватые, ещё не распушившиеся волосы – это была живая, миниатюрная копия их ярла, Хельги. Та же овальная форма лица, те же пухлые губы, тот же странный, тёплый оттенок кожи, так контрастирующий с белизной снегов.

Зрелище было настолько неожиданным, настолько выбивающимся из кошмарной логики этого места и их миссии, что оно обезоружило их. Ледяная броня готовности к бою на миг растаяла, обнажив что-то давно забытое и глубоко человеческое. Суровые сердца, закалённые в горниле постоянной борьбы, сжались, а затем затрепетали от странного, щемящего чувства, в котором смешались изумление, нежность и внезапно вспыхнувшая ярость – ярость защитника. Кто и зачем оставил ребёнка здесь, в логове неведомого чудовища? Этот вопрос пронзил их острее любого клинка. Но раздавшийся рык вновь заставил их собраться. Ещё миг назад умилявшиеся мужчины стояли с оружием на изготовку и желанием убить любого, кто приблизится к малому дитя.

То, что предстало пред ними, выбивалось из всего, что они видели. Три метра ростом, огромные лапы, словно снегоступы, две пары лап, толщиной чуть меньше ног на груди, тело покрыто белоснежным длинным волосом, голова с удлинённой челюстью чем-то напоминала волчью морду, только уши, что были двойные, не дали сходству завершиться. Красные, налитые кровью глаза с вертикальным зрачком медленно обводил незваных гостей. Новый рык раздался по пещере застав её своды задрезать.

– Обходим мохнатого по кругу! – прорычал Харди, разрезая ледяное безмолвие пещеры. – Аксель, твоя задача – прикрытие и спасения дитя. Если представится шанс – хватай корзину и уходи. Не оглядывайся.

Пока остальные воины, сбившись в тесную, дисциплинированную группу, начали медленно обходить застывшую громадину, Аксель действовал. С лихорадочной скоростью он зажёл от своего факела ещё несколько и швырнул их в разные концы пещеры. Грохочущее эхо и пляшущие тени должны были сбить с толку любое существо, привыкшее к темноте. Оно видит в ночи, а мы – нет. Значит, нужно ослепить его светом и хаосом. Затем, не целясь, натянул тетиву и выпустил стрелу. Железный наконечник с глухим чмоканьем вонзился в мохнатый бок, но не глубоко. Большого отряда и не нужно было. Если стрела пробила шкуру – добротный стальной топор найдёт, куда вгрызться.

– В атаку! – рявкнул глава отряда и первым ринулся впе-

рёд.

Тварь всё это время медленно поворачивала массивную голову, следя за их перемещениями. Даже на стрелу она не отреагировала, и это на миг ввело даже бывалых бойцов в лёгкий ступор. В умах пронеслась одна и та же леденящая мысль: либо шкура её толще брони, либо она просто не чувствует боли.

Мимир и Магнус, прикрывшись тяжёлыми щитами, пошли в лобовую. Ивар отступил на шаг, и его лук запел мрачную песню – стрела за стрелой с отравленными наконечниками впивались в тело чудовища с пугающей меткостью. Бродер с Дагеном заходили слева, Харди с Карсоном – справа.

Атака была отлаженной, синхронной, не оставлявшей пространства твари для манёвров. Но монстр опроверг все их расчёты. Несмотря на чудовищные габариты, он оттолкнулся от пола с неестественной пружинистостью и взмыл вверх, оказавшись за спинами щитоносцев. Те успели развернуться, но было поздно. Одними лапами тварь сдёрнула и отшвырнула их щиты, будто игрушки, двумя другими – молниеносно ударила сверху. Даже сквозь крепкие шлемы головы Мимира и Магнуса расплющились с отвратительным хрустом, словно разбитые тыквы.

В ту же секунду стрела Ивара, выпущенная почти без надежды, нашла уязвимость – и угодила в один из светящихся глаз. Пещеру огласил рёв, в котором смешалась ярость и впервые пробившаяся боль. Харди не стал ждать. Пока

монстр заливался криком, он ринулся под его бок, заноса секиру. От размашистого удара лапы он ловко увернулся, вонзив сталь в мощное бедро. Но следующая лапа, короткая и страшной силы, настигла его. Харди отлетел в темноту, как сломанная ветка, и больше не поднялся. Никто бы не поднялся.

Его последним взором стала картина: Бродер и Даген, в едином порыве, отрубают твари одну из конечностей и вгоняют топоры глубоко в брюхо, прежде чем их собственные головы слетают с плеч, срубленные взмахом когтистых лап.

Карсон остался единственным в передней линии, кто ещё держал оружие. И к нему, отбросив лук присоединился Ивар, лицо которого было искажено немой яростью. Они атаковали в унисон, рубить и уворачиваться. Тварь, истекая тёмной густой жидкостью из культи, слабела, но не с той скоростью, на которую они надеялись.

Ивар, сноровисто отклонившись от удара лапы, так же стремительно ушёл и от следующей атаки ногой, что метила прямо в грудь. Горячий воздух вырывался из его лёгких. Только чудом он сейчас оставался жив, но вбитые инстинкты заставили не думать, а действовать, и он вонзил топор в бедро чудовища. Удар был так силён, что сталь глубоко засела в кости, вырвав у Ивара оружие из рук. Его спасло лишь то, что в тот миг Карсон с диким рёвом всадил свой топор монстру прямо в основание черепа. Только это не убило монстра. Да и спасение было недолгим. Карсона настиг ответный

удар – когти распороли его грудную клетку до самого сердца. И всё же, даже падая замертво, воин судорожным движением швырнуть свой поясной кинжал твари в ушное отверстие. Очередной вопль огласил своды пещеры.

Сердце Акселя, наблюдающего с корзиной в руках, разрывалось от боли и бессилия. Он вновь попытался прорваться к выходу, но каждый раз монстр огромным прыжком отрезал ему путь, прикрывая собой чёрный зев пещеры. И это несмотря на то, что в теле твари торчало три топора.

Тогда, с тихим стоном отчаяния, он опустил корзину и выхватил два длинных, тонких кинжала – оружие для ближней работы. Раздумий не было – лишь решение отправиться на вечный пир к своим братьям. И в этот миг в его голове, отточенной годами выживания, вспыхнула идея. Безумная, отвратительная, единственно возможная.

Он резко развернулся, и остриё одного из кинжалов направил не на тварь, а на спящее в корзине дитя.

Эффект был мгновенным и ошеломляющим. Тварь, уже занёсшая лапу для добывающего удара над телом Ивара, резко замерла, затем развернулась с такой скоростью, что закрипели сухожилия. Её рык перешёл в пронзительный, почти панический визг. Глаза, и без того налитые кровью, будто вспыхнули изнутри багровым огнём, вены вздулись на шее. Всё её существо, минуту назад расчётливое, теперь пожирала одна слепая, неконтролируемая ярость, направленная на Акселя.

И именно в этот миг полной потери самоконтроля Ивар, подхватив с пола окровавленный топор Дагена, с последними силами прыгнул на спину чудовищу и всадил сталь ему в основание хребта. Удар, вложенный в него всей тяжестью падения и всей ненавистью живого к неживому, пришёлся точно в узлы нервных сплетений. Гигантское тело монстра вздрогнуло в судорогах и рухнуло на лёд, обездвиженное.

Наслаждаться победой никто не собирался. Двое оставшихся в живых, Аксель и Ивар, с хриплыми рыками набросились на беспомощную голову, отрубая её от туловища ударами, полными нечеловеческой силы и лютой ненависти. И лишь когда голова откатилась в сторону, а тело окончательно затихло, они опустились на окровавленный лёд, давясь ледяным воздухом, не в силах вымолвить ни слова. Вокруг лежали тела их братьев, а в центре этого пекла тихо посапывало дитя, ради которого всё это и произошло.

Когда измождённые, в засохшей чужой крови и собственной скорби, Аксель и Ивар переступили порог хольда Шварцфель, неся весть и свёрток в бирюзовом одеяле, в зале воцарилась гробовая тишина. Весть была триединой и страшной: тварь убита, отряд пал, дитя найдено.

Ярл Хельга выслушала, не проронив ни звука. Её лицо, обычно непроницаемое, будто выкованное из стали, дрогнуло. По нему пробежала тень боли за павших сыновей клана, вспышка гордости за их доблесть и жгучее любопытство к

тому, что они принесли. Затем она поднялась с резного кресла, и её голос, гулкий и чистый, заполнил пространство:

– Месяц. Месяц пира, песен и поминовения. Чтобы слава павших гремела в наших стенах громче, чем рёв той твари. Чтобы их души нашли дорогу в чертоги предков под наши клятвы и звон кубков.

И пир удался на славу. Он стал странным, горько-сладким праздником, где слёзы потери смешивались со смехом жизни, а скорбь уступала место торжеству воли. В нём воссоединилось всё: память о мёртвых и радость за живых, горечь утраты и тепло новых уз.

Хельга, увидев дитя, влюбилась с первого взгляда. Не как женщина – как мать, как защитница, как владычица, нашедшая потерянное сокровище. Она, как и все, разглядела в чертах младенца своё собственное, странно узнаваемое отражение. В этом не было сомнений – словно сама судьба вернула ей частицу той страсти и той потери. Она знала в глубине души: это её кровь, её плоть. Она сама, в ту бурную, исчезнувшую вместе с Незнакомцем ночь, дала ему жизнь. Видя её взгляд, каким она смотрела на дитя, ни один в здравом уме человек не решился бы оспорить это.

Девочка оказалась с характером. Когда Аксель, замирая от непривычной нежности, попытался передать свёрток в руки ярла, крошечная ручка выскользнула из одеяла и ухватила его за грубый, исцарапанный палец. Не удержавшись, малышка попыталась впиться в него дёснами. Аксель, обыч-

но невозмутимый, ахнул от неожиданности, а по залу прокатился гул хохота – такого искреннего и громового, что, казалось, древние балки сводов задрожали, а с них и вправду посыпалась пыль.

Хельга, улыбаясь сквозь навернувшиеся слезы, приняла дитя. Затем, подняв его высоко над головой, к дымным от огня и дыхания сотен людей сводам, провозгласила на всю залу:

– Слушайте, воины и мастера, слушайте, духи предков! Отныне и до скончания дней её звать Наргизой Ансфрид!

Необычность первого имени повисла в воздухе, рождая шёпот. Оно было чужим, мелодичным, как перезвон далёких колокольчиков. И тогда Хельга добавила, и её голос смягчился:

– Так звал меня он. Тот, кого я звала Ансфридом – «Защищённый богами». Его имя станет её щитом, его память – её корнями. Она – дочь моей крови и его тайны. Дитя снегов и стали. Наша надежда.

И под одобрительный рокот зала, под звон поднятых в её честь кубков, маленькая Наргиза Ансфрид, не ведая о своей судьбе, уютно устроилась на могучей груди ярла, в самом сердце клана Железного Ворона.

Глава 2

Глава вторая

Тяжело в учение, легко... Да кто на такое согласится?

Здоровенный кулак со свистом врезался в носовую перегородку северянина, сопроводив удар хрустом ломающегося хряща.

– Ах ты прозорливый гад! – шипение, похожее на раскалённое железо в воде, вырвалось из груди Тайлоса. – По какому праву жрёшь моего поросёнка?!

Второй удар, короткий и страшной силы, отбросил могучего Флоки к дальней стене. Магическая сила – не только в заклинаниях. Частые питьё эликсиров перекраивали саму плоть, делая её плотнее стали. Тело мага было живым тому доказательством.

Я ворвался на кухню, привлечённый грохотом, и застыл. Тайлос методично, с профессиональным хладнокровием избивал троих моих друзей. Просторные своды оглашались глухими ударами по плоти. Размеры помещения драку не спасали – лишь давали больше пространства для размаха.

Не раздумывая, я рванул вперёд. В момент, когда сжатый кулак занёсся для очередного удара, я ловко перехватил запястье, провернул и с силой заломил за спину. Сухожилия

напряглись под моими пальцами. Сдавленный выдох, больше похожий на яростный рык зверя в капкане, вырвался из его груди. Этой секунды хватило, чтобы другой рукой поднести к его губам маленькую фиалку и с силой влить содержимое. Он попытался выплюнуть, закашлялся, но большая часть зелья уже была внутри.

Только вчера мы вернулись с десятидневного рейда. Он, видимо, свалился в кровать, сраженный усталостью, позабыв о лекарстве. А я-то думал, отчего под конец пути он стал таким ворчливым и едким. Чёрт, нужно быть внимательнее, – с укором подумал я, вспоминая его вчерашние колкости. Он обозвал нас безмозглыми идиотами, которых проще отправить пасти оленей, чем охотиться на хрусталиках. Его ярость тогда имела причину: парни заигрались ночью в карты и профукали момент, когда на лагерь вышли восемь Инеевых Стражей. Но истинный гнев вырвался наружу, когда одна из тварей раздавила его любимую трубку – подарок легендарного резчика Торвальда. А теперь мои гости посягнули на святое. На жареного под чесноком поросёнка, что недавно привёз Славик.

– Учитель, успокойтесь, это мои друзья, – я старался говорить спокойно, всё ещё удерживая его руку. – Взгляните на стол, я заказал семь тушек. Три – ваши. Они ели ту, что была для них предназначена.

Зелье начало действовать. Напряжение спало с могучего тела, взгляд, ещё секунду назад безумный, прояснился. По-

просив отпустить его, он оглядел результаты побоища: разбитые физиономии, ополовиненную тушку на столе.

– Так они самого сочного хряка ухватили, – пробурчал он уже без ярости, лишь с глубокой, почти профессиональной обидой гурмана. Сделал угрожающий взмах кулаком в сторону пришедших в себя парней, а затем, словно переключившись, обернулся к дверному проёму. – Маришка! На стол накрывай! Похоже, у нас гости завелись!

Девушка появилась на кухне мгновенно, будто ждала за дверью, хотя, может, и ждала. За полгода она досконально изучила все причуды хозяина. Самое удивительное – на неё ни разу не подняли руку, не крикнули и даже не повышали голос. Мне и Славке попадало регулярно. А она будто обладала тайным знанием, неким ключом к его норову.

Мои друзья, поднявшись и потирая ушибленные места, стояли в полном недоумении. Выглядели они так, будто попали в логово обезумевшего чудовища, что не ел годами.

– Ладно, – вздохнул я, понимая, что нужно брать инициативу. – Пока здесь накрывают, прошу прощения за тёплый приём. Пойдёмте, нужно умыться, привести себя в порядок. Дорога была долгой, да и... встреча выдалась бурной.

Я кивнул в сторону коридора, давая им шанс прийти в себя вдали от взрывоопасного присутствия учителя.

Вёл я ошарашенных парней по холодному каменному коридору, и в голове назойливо крутилась мысль: надо было договориться о встрече у Бориса, на постоялом дворе, там

уж точно такого было не случилось. Наверное, там бы и посидели, и потрещали без риска быть поколоченными за кусок жареного мяса. Мне даже как-то немного неудобно за учителя и за такой приём.

Пока они, прислонившись к грубому камню умывальни, споласкивали с лиц кровь и пот, я вкратце объяснил им суть проблемы. Рассказал про расщеплённое сознание учителя, про зелье, без которого из глубин его психики выползает тот самый «другой» – злобный, алчный и патологически привязанный к своей еде. Хотя обе его личности привязаны к еде.

– И даже когда он в норме, после зелья, – добавил я, сделав многозначительную паузу, – ни под каким предлогом не трогайте его поросёнка. Вообще. Серьёзно говорю.

– И твоего тоже? – уточнил Флоки, наклоняясь к ледяной воде.

– А моего тем более. Я, конечно, в лоб не ударю, но обиду затаю глубоко и отвечу коварной мстостью, – ответил я, но в шутилой угрозе была лишь доля шутки.

Флоки выпрямился, капли воды стекали с его густой бороды. Которая, как по мне, ему вообще не шла. – Погоди, а ты и вправду двоих за раз осилить можешь?

Рядом Болтун, как раз полоскавший рот, фыркнул и поперхнулся, закашлявшись и разбрызгивая воду. Молчун только молча ухмыльнулся, вытирая лицо рукавом.

– После обряда пробуждения аппетит проснулся зверский, – признался я, пожимая плечами. – Ем будто в послед-

ний раз. Хорошо хоть, с серебром в кошельке проблем нет, а то и не знаю, куда бы делся.

– Это заметно, – хрипло процедил Молчун, оценивающе окидывая меня взглядом. – Раскабанел знатно.

Я на это только усмехнулся в ответ, не обижаясь. Да, я набрал с десятков килограммов, но вся эта масса была обманчива. Стоило на неделю выдвинуться за стену, в постоянных стычках и с регулярным применением магии, как набранный запас таял на глазах. Магия, даже при использовании внешней маны, выжимала тело как лимон, заставляя его тратить все ресурсы на поддержание и тонкую настройку вновь открывшихся энергетических каналов. День-другой активного колдовства – и ты снова поджарый и жилистый. В своём роде удобно. Кто бы от такого отказался? Один минус, нужны монеты на поросят и вино. Но мне больше пиво по нраву да медовуха.

– Так покажи-ка, чему научился-то? – оживился Болтун, энергично растирая мокрые волосы грубым полотенцем. Остальные также уставились на меня с нескрываемым любопытством.

– А что, можно и показать, – согласился я, ощущая внутри привычный, тёплый поток маны. В этом отношении Тайлос был неумолим: «Пустой маг – это ходячий труп». Он сам пил эликсиры маны как воду, и теперь, после наших постоянных вылазок, их у нас было вдоволь. Хрусталии, кажется, всерьёз взбеленились. Таких массовых выходов, по словам старож-

лов, не припоминались давно. Теперь каждая вылазка сулила добрый десяток кристаллов, но и риск нарваться на серьёзный отпор возрос втрое. Особенно страшили криокастеры – эти хладнокровные убийцы били сгустками чистой энергии, и даже щиты Тайлоса не всегда выдерживали больше двух-трёх точных попаданий. Встреча с ними была сродни танцу на краю пропасти. Но награда того стоила. Почти с каждого четвёртого падал кристалл. Правда, были они какие-то уж больно мелкие, будто твари только на свет появились.

– Смотрите, – сказал я, отойдя на шаг и сосредоточившись.

Но мысли о криокастерах и хрусталиках были не к месту. Парни просили показать им магию, и отказывать не имело смысла. Да, умений пока немного, но главное – я нащупал вектор, понял, в каком направлении должна развиваться эта странная сила. Я отступил на шаг в сторону, встав посреди вымощенного грубым камнем двора, и закрыл глаза на мгновение, собираясь с мыслями.

Сосредоточился. Мысленно отдал команду, которую Дмитрий помог оформить в чёткий, лаконичный импульс. Не просто желание, а именно команду, запускающую сложный внутренний процесс. Я почувствовал, как мир вокруг словно натянулся, стал вязким и сопротивляющимся. Воздух обрёл плотность густого мёда, а затем и тягучей смолы. Ощущение было сродни попытке бежать на дне глубокого водоёма, только в десятки раз сильнее – точнее было

сравнить с движением сквозь застывающий болотный ил, где каждое движение требует невероятных усилий и фокусировки.

Флоки, стоявший от меня в трёх шагах, моргнул – и в следующий миг я уже стоял у него за спиной, наслаждаясь лицами друзей. Для его восприятия я попросту исчез с одного места и материализовался в другом. Эффект выглядел ошеломляюще, но цена его была высока. Семь шагов – мой текущий предел. После этого концентрация рассыпалась, а по вновь открытым энергетическим каналам пробежала жгучая, изматывающая боль, будто их пытались растянуть раскалённой проволокой. Они были ещё слишком слабы, хрупки и требовали долгой, мучительной «прокачки». И это не было делом простого поглощения энергии. Нельзя было наесться ганий или кристаллов и стать сильнее вмиг. Здесь работал принцип адаптации: чем чаще я использовал дар, особенно в условиях стресса и предельной нагрузки, тем прочнее и ёмче становились каналы. Я рос вместе со своей силой, и это был медленный, трудный путь. Но перспектива...

Кроме того, я предоставил Дмитрию доступ к этой функции. Теперь в случае крайней опасности, когда я буду не в состоянии среагировать, ассистент мог активировать самостоятельно не только «петлю», но и «замедление». Тем самым сэкономив силы «итератора». Его «сознание» не знало усталости и могло мониторить обстановку безостановочно, что делало его идеальным часовым для такого тонкого инстру-

мента. Вообще я не пожалел, накачал его энергией под завязку, дав развернуться больше протоколов. Он когда начал общаться как полноценный человек, мне сразу стало комфортнее и интереснее.

– Чтоб тебя стекляшки сожрали! – вырвалось у Флоки, и он, инстинктивно отшатнувшись, споткнулся и шлёпнулся на промёрзлую землю. Его глаза были круглы от изумления. – Как ты это... Это как?

– Это и есть магия, дружище, – ответил я, протягивая ему руку, чтобы помочь подняться. – Мой дар. Я могу... создавать карманы замедления. Или, если угодно, ускоряться внутри них.

– Жуть, но как круто, – произнёс Болтун, натягивая на себя поношенную рубаху и одобрительно кивая.

– Ладно, посмотритесь ещё, – махнул я рукой, направляясь обратно к башне. – Одевайтесь и марш за стол. Завтрак, обед – не суть. И помните железное правило: поросята – табу. Если проголодались – скачите в деревню, купите себе провизии. Но если поехали, – я обернулся и посмотрел на них строго, – привезите и нам поросят. Это не просьба, а условие.

– Ясно-ясно, – закивали они, потирая свежие синяки и ушибы. В их глазах ещё читался лёгкий шок от увиденного, но уже пробивалось знакомое, живое любопытство. Похоже, они начинали понимать, в какую странную историю ввязались.

– А всё-таки, зачем мы тебе понадобились? – Флоки, оправившись от падения, засунул большие пальцы за пояс и наклонил голову набок. – Он – маг. Ты – маг. К чему вам трое простых рубак? Вы же и сами справитесь.

– Вы – не «простые рубаки», – парировал я, глядя каждому в глаза по очереди. – Обычные воины, завидев орду хрусталиев, развернутся и побегут, даже не думая. А Вы отстояли сотни ночей на стене. Вы уже видели это безобразие воочию и знаете, с чем придётся столкнуться. Это первое. А второе – я уверен, что Вы прикроете спину и не кинете в критический момент. Так что не принижайте себя. Вы нужны, потому что ситуация изменилась. Хрусталии активизировались так, что нам с учителем порой приходится туго. Нужны секунды, чтобы достать эликсир, выпить, дать ему подействовать... А в бою секунды решают всё. И да, это не всё, что я умею, я и ещё кое-чему научился. Вот увидите – вам понравится.

– Например? – раздался тихий, хриловатый голос Молчуна. Он скрестил руки на груди, и в его прищуренных глазах затеплился искренний интерес. Любопытство наше всё.

– Например – так, – я улыбнулся и сделал широкий, театральный взмах рукой, словно фокусник перед представлением. Из пустоты, с лёгким звуком входящего в реальность воздуха, в моей ладони материализовался глиняный кувшин с вином.

Я настолько привык к пространственному браслету, что

управлял им почти на уровне инстинкта – куда увереннее, чем своим собственным магическим даром. И запасы там хранились внушительные: оружие, бинты, сменная одежда, зелья, провизия... И, конечно, поросята. Главное чудо было в том, что время внутри «узла» останавливалось. Месяц мог пройти, а жареное мясо сохраняло аромат и тепло, будто его только что сняли с вертела. Помнится, лицо Бориса, когда я заказал у него тридцать тушек разом, было шедевром немногочисленного изумления. Особенно когда я всё забрал и уехал на одной лошади.

Откуда деньги? Всё просто. Я почти собрал кристаллы для каркаса, будущей основы доспеха, наварил приличный запас эликсиров маны и серьёзно поднаторел в алхимии. И здесь моя магия оказалась неоценимым помощником. В моменты приготовления я мог создать вокруг тигля или ступки локальную зону замедления, наблюдая за реакцией в мельчайших деталях, видя каждую лишнюю крупинку ингредиента или неточное движение. За полгода такой практики я удостоился от Тайлоса похвалы аж три раза. В остальные дни он величал меня не иначе как «криворуким бараноподобным существом с конечностями, будто от другого тела пришитыми». Логика в его оскорблениях была декорацией, а не необходимостью. Излишки кристаллов я исправно сбывал Борису, получая солидную прибыль, которой честно делился с ребятами, Петром и Анатолием. Правда, это были не такие деньги, что можно было бы жить припеваючи и больше не

ходить за стену. По крайней мере, мы обновили всем доспехи и оружие.

– Дружище Игорь, – Болтун, широко улыбаясь, обхватил меня за плечи и потряс. – Да ты и впрямь волшебник какой-то! – Медленно, почти с благоговением, он принял у меня кувшин и передал Флоки, не сводя с меня восхищённого взгляда.

– Я пока только учусь, – пожал я плечами, слегка смущённый. – И да, учителю ни слова. Вообще никому ни слова. Ясно? – Все серьёзно кивнули.

– Игорь, зачем было показывать, а потом просить не говорить никому? Это нелогично, – продекламировал Дима.

– Потому что похвастаться захотел, вот и всё.

На это он ничего не ответил.

– Видели бы Вы, на что способен мой учитель. Вот где настоящая сила. Помнишь, я сегодня утром рассказывал, как мы с парнями от хрусталиев удирали? Надёжные ребята, кстати, скоро познакомлю. Так вот, тогда Тайлос вступил в бой один. И за какие-то двадцать минут... – я сделал паузу для драматизма, – смел больше сотни тварей. Он так разошёлся, что у нас, просто наблюдающих, дух захватывало. А после спокойно так прошёлся по полю, собрал целую пригоршню кристаллов. Будто не адское побоище, а прогулка по саду.

Парни слушали затаив дыхание, но по их скептически приподнятым бровям и невольным усмешкам было ясно –

поверить в такое им трудно. Честно говоря, я и сам бы не поверил, не будь я тому свидетелем. Лишь увидев всё собственными глазами, я осознал всю пропасть, что отделяет нас, обычных людей, от подобных существ. Если бы он того захотел и имел достаточно эликсиров, он мог бы в одиночку смести с лица земли не отряд, а целую армию. Эта мысль и восхищала, и леденила душу. Неужели и я когда-то такое смогу. Прямо не верится.

– Ну что ж, – тяжело вздохнул Флоки, почесав затылок, – если всё в точности, как ты говоришь, такого товарища нам на стену – самое оно. Один бы разгрузил всех дежурных.

– Помните, каково было, когда я там стоял? Твари лезли почти каждый день.

– Ну и?

– А как я уехал, всё стало спокойно?

– Почти да, – ответил Болтун, наморщив лоб. – Раз в недельку приходит, и то небольшой толпой.

– Всё дело в нас, магах. Мы для них – как сигнальный костёр во тьме. Пожирая нас, они что-то в себе меняют, усиливаются. Они чувствуют эту искру за километры. Потому и лезли так яростно, пока я был там. Понимаете? – Они молча, но очень серьёзно кивнули. – Но не тревожьтесь. Через полгода, когда я завершу начальное обучение и мы двинем к моим землям, учитель поедет с нами. Он решил осесть в моих владениях.

– В каких это «твоих»? – Теперь Молчун нахмурился, де-

лая вид, что не понимает.

– Ой, бросьте, – махнул я рукой. – Не прикидывайтесь, будто не в курсе, что я теперь Игорь Хальтермарш.

– А мы и вправду ни сном ни духом, – хитро подмигнул Болтун, обменявшись с товарищами лукавыми взглядами. – Нас в таверну не водили, пивом не угощали, жареным не потчевали. Что не отпраздновано должным образом – то для нас как бы и не существует.

– Да ладно вам! Сегодня и отметим всё разом – и наше воссоединение, и мой новый статус.

– Не-не-не, так дело не спорится, ваша светлость, – замолтал головой Флоки, складывая руки на груди. – Знакомство – это одно дело, а титул барона – совсем другое. Придётся разделить. Два разных пива, так сказать.

– Да Вы лопните, друзья мои! Вы ж не маги, чтобы так кушать.

– Ничего, как-нибудь поднатужимся, ремни расстёгнём, штаны пошире оденем, – философски заключил Болтун, и оба его друга дружно закивали, едва сдерживая ухмылки.

Мы вошли в просторный, пропахший травами и воском зал башни, и знакомство началось заново, уже в более мирной обстановке. Когда в поле их зрения попала Маринка, несущая поднос, трое «суровых» воина словно преобразились. Плечи расправились, бороды были поглажены, в голосах появились непривычные бархатные нотки. Они принялись наперебой оказывать ей знаки внимания – то поправляя

воображаемую соринку с подноса, то задавая неуклюжие, но старательные вопросы.

А в дверном проёме, прислонившись к косяку, стоял Славка. Лицо его было тёмным от нахлынувших чувств. Он ждал свою порцию каши с лепёшкой и грубым, но сочным куском жареной оленины, но путь на кухню, пока там трапезничал Тайлос, для него был заказан – «дабы не портил аппетит благородному собранию», как изрёк как-то маг. Работа с лошадьми накладывала свой, весьма специфический отпечаток. Сейчас же, наблюдая, как три здоровенных оболтуса крутятся вокруг его сестры, парень лишь зло сжимал кулаки, его ноздри раздувались, а взгляд метал молнии. Казалось, ещё немного – и он лопнет, как перегретый паровой котёл.

Когда мы все перезнакомились и поели, я ввёл их в курс дела и сказал, что через пару дней выдвигаемся. Мы, конечно, неплохо сходили в рейд, но в этот я пойду без учителя, мне нужен кристалл «Костяной Фундамент», который падает, как я помню, только с копейщика, а их я давно не видел. Ганий у меня есть, шесть штук «Жидкая Сталь», три «Симбиотическая Сеть» и три «Костяной Фундамент», а вот последнего надо четыре. Вот за ним и пойду. А после, если всё получится, нам надо будет съездить в магическую академию, дабы купить флакон для следующего развития. Я в начале думал, выпил «соль» и стал магом, а хренушки. Там, оказывается, есть ещё и другие, что ты выпиваешь, когда твой внутренний резерв увеличивается. Так я получу следующий

ранг, но есть одно НО. Если мой резерв не сдюжит, я могу и копыта отбросить. Так мне Тайлос и сказал: «Слышь, баран, куда торопишься, привыкни к способности, расширь внутренний источник, а после уж попытайся поднять ранг, а то, баран, копыта отбросишь и загубишь всё то время и золото, что я на тебя потратил».

Но он же не знает, что я с Димой почти каждую ночь тренировался в виртуальных залах, учась этой самой способности, пока моё тело спало. Но эффект был в реальности, хоть и не такой большой. Также мы постоянно проводили анализы тела, и вот вчера он сказал, что мои энергоканалы наконец-то стали стабильны. Поток энергии, который я пропускаю через них, увеличился почти в четыре раза. Так что, думаю, можно и попробовать повысить ранг. Посмотрим, что даст мне новое развитие и какие плюшки появятся. Может, я смогу всё-таки, как учитель, взмахом руки разбивать орды тварей. Хе-хе. Мечты.

Вечером мы всей кампанией отправились к Борису, где закатали пир, о котором ещё долго говорила вся округа. Гул наших голосов и грохот кубков был столь оглушителен, что от нашего стола шарахались даже самые отъявленные завсегдатаи. Многие в деревне знали, что я учусь у Тайлоса, а память о том, как я разобрался с хрусталиями на улице, была ещё свежа и обрастала легендами.

Однако завершился вечер далеко не так мирно, как начи-

нался. Финал нашего праздника испортила встреча со старыми, весьма неприятными знакомыми.

Дело было так. Мы просидели почти до рассвета и, когда звёзды на небе стали бледнеть, с неохотой потянулись к выходу. На прохладном, предутреннем воздухе мы принялись прощаться с Петром и Анатолием. Нужно отметить, что парни с первого взгляда нашли общий язык, скрепив дружбу бесконечными байками о моих промахах и подвигах. А позже, когда я отошёл по естественной надобности, они умудрились ввязаться в потасовку с охраной торгового каравана, остановившегося на ночлег. Ничто так не укрепляет мужскую дружбу, как совместно пролитая кровь и разбитые носы. Вернувшись минут через пятнадцать, я обнаружил, что мои друзья стали куда более сплочённым коллективом, чем до моего ухода. Могли и меня подождать.

Но вернёмся к незванным гостям.

– Как же я устал за вами всеми бегать, – раздался из темноты низкий, усталый голос. К нам подъехал мужчина в тёмном плаще и лёгком кожаном доспехе. Он спрыгнул с коня, и сталь его меча звякнула о ножны. Даже в нашем подпитии мы узнали его: Мурад, правая рука Бьёрна Дагссона, управляющего злополучными Белокаменными рудниками.

– А, узнаю, – хрипло процедил Молчун, щёлкая пальцами. – Ты же тот урод с рудников... как тебя... Мудак, вроде.

– Му-рад, – проскрежетал незнакомец, и его пальцы побелели на рукояти меча.

– Ну я и говорю, Мудак. Чё не так-то? Чё ноздри раздул, как жаба? – Молчун, как выяснилось, под хмелем не просто обретал дар речи, а становился мастером язвительных комментариев, из-за которых Болтун и Флоки уже дважды за вечер пытались его отдубасить, не находя достойного словесного ответа. Однако наш «Молчун» даже в стельку пьяный сохранял кошачью ловкость, уворачиваясь от дружеских тумачков и отвечая точными, вразумляющими пинками.

С Мурадом было ещё трое – всё те же угрюмые охранники с рудников, чьи лица дышали скукой и жестокостью.

– А на кой ляд ты за нами бегаешь? – вступил я, покачиваясь на месте. – Мы тебе что, морковка на палке? Чего ты, как упрямый ишак, за нами таскаешься?

Мои слова вызвали новый взрыв хохота. В нашем состоянии любая плоская шутка казалась гениальной. Пётр и Толян, уже было направившиеся к дому, развернулись и твёрдо встали рядом с нами, плечом к плечу.

– Убейте всех, – отрезал Мурад, сделав шаг вперёд и направляя клинок прямо на меня.

– Погоди-ка, парни, – я выступил вперёд, сильно пошатываясь. Было ощущение, что я вот-вот рухну. – Я с ними сам разберусь.

Собрав остатки воли, я напрягся и запустил внутри себя знакомый, но всё ещё неуклюжий процесс. Мир вокруг поплыл, краски смешались, а затем – резко застыл. Звуки стали тягучими и низкими, фигуры друзей и врагов замедлились,

превратившись в едва движущиеся статуи. Я сделал первый шаг, затем второй, чувствуя, как тело протестует против нагрузки...

И тут меня вырвало. Спазм, вызванный перебором с выпивкой и чудовищным напряжением, разрушил хрупкую концентрацию. Я вывалился из стазиса как пробка из бутылки и со всего размаха врезался в Мурада. Удар получился на удивление сильным – я сбил с ног не только его, но и его лошадь, стоявшую позади. После этого всё покатило по наклонной. Мои парни, выхватив оружие, с рёвом бросились в атаку. Клинки засверкали в предрассветных сумерках.

Увы, я не увидел развязки этой сцены. Пытаясь подняться, я оказался рядом с упавшим и запаниковавшим конём. Животное, брыкаясь в попытках встать, с силой лягнуло задним копытом. Удар пришёлся точно в висок. Мир поглотила густая, тёплая тьма. Последней мыслью было досадливое сожаление: «Чёрт... Такую драку пропускаю... И всё из-за этой... копытной твари...»

Глава 3

Глава третья

Вот же ты гад, граф.

Сознание вернулось ко мне постепенно, как сквозь густой, липкий туман. Я очнулся в знакомой комнате на втором этаже постоянного двора Бориса. Голова раскалывалась с такой силой, что первым побуждением было найти топор и разом покончить с источником этой невыносимой, пульсирующей агонии. Сложно было сказать, что вносило больший вклад – перебор с выпивкой или мастерский удар конского копыта.

С трудом пересилив тошноту, я нащупал в кармане куртки маленький, прохладный флакончик – зелье малого исцеления. Выпил залпом, ощущая, как по жилам разливается горьковато-сладкая волна, которая тут же принялась за работу. Через пару минут свинцовая тяжесть в черепе отступила, позволив сесть. Ещё через три я уже стоял на ногах, пусть и шатаюсь, и уверенным, хоть и медленным шагом спустился в общий зал.

Мои друзья, будто железные гвозди, сидели за тем же столом и с невозмутимым видом продолжали осушать кружки. Я опустился на скамью и с отвращением посмотрел на тёмную жидкость в глиняной посуде. А вчера она мне казалось такой манящей. Бр-р-р.

– Как вы можете всё ещё пить? Меня от одного вида сейчас вывернет.

– А кто тут вчера гордо вещал, что он самый крепкий и быстрее опустошаться подвалы с выпивкой, чем ты напьёшься? – ехидно спросил Флоки, и за его словами последовал дружный, оглушительный хохот, сопровождаемый звонким стуком кружек. – Знаешь, твой фирменный приём – использовать собственное тело как таран – оказался на удивление эффективным.

– Только технику надо доработать, – добавил Пётр, подмигнув, и по залу вновь прокатилась волна гогота. Смеялись не только они, но и, кажется, все остальные посетители, явно наслышанные о вчерашнем фиаско.

– А где наши... гости? – спросил я, когда смех наконец поутих.

– В подвале, у Бориса, – ответил Пётр, вытирая усы. – Но там всего один. Предвосхищая следующий вопрос, остальные отправились в иной мир.

– Или напрямиком к демонам, – поднял кружку Болтун, и компания снова чокнулась с каким-то мрачным весельем.

– Игорьь, заслуга тут, по большей части, не наша, – пояснил Пётр, понизив голос. – Мы были в стельку. Если бы не сыновья Бориса, да и он сам, вряд ли мы бы отделались парой синяков.

– Понял. Разберёмся, – кивнул я, чувствуя, как тяжесть ответственности ложится на плечи.

Позавтракав колбасками с чесноком и гренками с сыром, я направился в подвал. Со мной, молча и сосредоточенно, спустился и сам Борис. Мы вошли в небольшую подсобку, пахнущую копчёностями, солёной снедью и травами. Хозяин отошёл к стене, делая вид, что проверяет бочки с капустой, давая нам пространство. Я же подошёл к связанному пленнику.

Парень сидел на полу, прислонившись к холодному камню. Его лицо было избито, но в глазах горела не боль, а чистая, неразбавленная ненависть. Такой взгляд бывает у загнанного зверя, который уже не надеется выжить, но готов вцепиться в глотку в последнем прыжке. Он смотрел на меня с таким бешенством, что, будь его руки свободны, он, не колеблясь, попытался бы задушить меня голыми руками.

– Ну что, объясни, с какой стати вы за нами увязались? – присаживаясь на корточки, я вынул из ножен короткий, практичный клинок и демонстративно проверил остроту лезвия, аккуратно отрезав тонкий ломтик от висящего рядом со мной на крюке копчёного окорока.

– Ушлёпки... – прошипел пленник.

Взмах – и на его щеке появилась тонкая алая черта. Он резко дёрнулся, зашипев от внезапной, жгучей боли.

– Я настроен на конструктивный разговор, – сказал я спокойно, вращая нож в пальцах.

– Какой ещё... конструктивный? – в голосе стража, помимо ненависти, промелькнула растерянность.

– Конструктивный, – повторил я. – Это когда я задаю вопрос, а ты даёшь чёткий ответ. Каждое лишнее слово, каждое оскорбление – это новая отметина. В конечном счёте ты просто истечёшь кровью здесь, на холодном полу.

– Тогда ты ничего не узнаешь, – выплюнул он, но в его тоне уже не было прежней уверенности.

– Мне, по правде, и не нужно многое узнавать. И так ясно, зачем вы привёрлись. Чтобы мы не проболтались о той штуковине. Самое забавное для тебя – мы и не думали, что-либо кому-то рассказывать. Догадывались, что за такое не похвалят. Но вот вы явились, и теперь у меня прямо-таки чешется язык вернуться и объяснить Бьёрну, что это была его самая большая ошибка.

– Тебе придётся иметь дело не с ним, – страх в его глазах на миг сменился мрачным торжеством. – С графом Гильтраном. Это его личный приказ. Что, страшно?

– Мне? Нет, – я покачал головой, и в моём голосе прозвучала неподдельная искренность. – С того дня, как я был каторжником на его рудниках, многое изменилось. Например, я – наследник барона Хальтермарша. И ученик мага.

– Да ему плевать, кто ты! – пленник выпрямился, насколько позволяли верёвки. – Если он решил, что вы, все пятеро, должны исчезнуть, так тому и быть.

– Почему пятеро? – я на мгновение замер.

– Остальные уже мертвы. Все, кто видел вашу находку, – ходячие трупы. Все, кто был на смене в тот день, больше не

выйдут с рудников. И всё из-за вас.

От этих слов в подвале стало ещё холоднее. Новость была жестокой, но, увы, предсказуемой.

– Жаль парней, – пробормотал я, и в словах не было лицемерия. – Но это был только вопрос времени. Кстати, чего вы так долго тянули?

– Проверяли. Всем, с кем вы контактировали, уже выписан смертный приговор. Чтобы ни одной лишней утечки. Умрут все. Даже он, – пленник кивнул в сторону Бориса, который стоял в тени, неподвижный, как изваяние.

– А как граф узнает? – спросил я, хотя ответ уже вертелся на языке.

– У него есть люди с... особыми навыками. Так что убивать меня бессмысленно. Вас всё равно найдут. Рано или поздно.

– Ясно, – я поджал губы, отворачиваясь, чтобы скрыть выражение лица. В голове метались обрывки мыслей, варианты действий.

И в этот момент услышал сдавленный, булькающий хрип. Резко обернувшись, я застал последние мгновения жизни стражника. Борис бритва, лицо которого было искажено ледяной, безэмоциональной решимостью, стоял за его спиной, затягивая на шее пленника толстый кожаный ремешок. Тело дёрнулось в последней судороге и обмякло. В подвале воцарилась тишина, нарушаемая одним нашим тяжёлым дыханием и тихим скрипом кожи о кожу.

– Раз уж я оказался в одной упряжке с вами, – Борис аккуратно повесил кожаный ремешок на гвоздь и обернулся ко мне, в его глазах читалось не только понимание серьёзности положения, но и жгучее любопытство, – так хоть скажи, что вы там, в недрах, откопали.

– Ганий, – ответил я, сложив ладони, демонстрируя примерный размер. – Такой здоровенный булыжник. Конечно, это руда, после очистки чистого вещества останется не так много, но даже в таком виде... его цена – десятки тысяч золотых. Я в этом уверен, учитель объяснял.

Борис присвистнул, его глаза округлились.

– За такой секрет и я бы, пожалуй, задумал нехорошее.

– Всё-таки, – я покачал головой, – я много слышал о графе. Неужели для него двадцать-тридцать тысяч золотом – сумма, из-за которой стоит устраивать такую охоту?

– Золото есть у многих, – возразил Борис, понизив голос. – Гания же – нет. В этом вся загвоздка. Купить его могут многие, но никто не продаёт. Каждый оставляет про запас. Для некоторых эликсиров, вроде омоложения, его нужно особенно много. Не смотри так, – он махнул рукой, увидев моё удивление. – Пока жил в столице, наслушался разного.

Тем временем я обыскивал карманы бездыханного стража, надеясь найти что-то – письмо, шифр, знак, – что прольёт свет на их связь с начальством. Узнать, успели ли они донести, кто мы и где нас искать. Ничего. Пусто.

– Что теперь будешь делать? – спросил я, отходя от тела.

– Есть одна мысль, – трактирщик скрестил руки на груди. – Но сначала ответь честно: ты и вправду сын барона?

– Не по крови, – пояснил я. – Но мы прошли ритуал крови, и он показал родство. Так что да, я законный наследник барона Конрада Хальтермарша.

– Того самого, что держит Северный Форпост?

– Он самый.

– Тогда как ты смотришь на то, чтобы на твоих землях открылся новый постоялый двор?

Я не смог сдержать улыбки.

– Смотрю с большим энтузиазмом. Тем более что там проходит оживлённый торговый путь, и место под застройку я как раз присмотрел – очень удачное.

– Прикроешь?

– Буду лично охранять, если ты продолжишь радовать такими поросятами и таким пивом, – я протянул ему руку, и он с силой, по-мужски, её пожал. – Сколько тебе нужно на сборы?

– А ты сам сколько ещё здесь пробудешь? – парировал он вопросом.

– Полгода, не больше. Потом двинем домой.

– Тогда я начну готовиться к продаже и переезду уже завтра.

– погоди с этим, – остановил я его. – У моего учителя, кажется, есть артефакт, способный... запечатывать и перемещать целые строения. Я поговорю с ним. Если всё получится

ся, мы просто перенесём твою таверну на мою землю. Тебе останется лишь перевезти семью. Но есть одно условие.

– Какое? – Борис насторожился.

– Ты должен приготовить таких поросят, чтобы у учителя не осталось ни малейших сомнений в целесообразности помощи. Чтобы он понял, ради чего стоит тратить силы.

– Это мы устроим, – лицо Бориса озарилось профессиональной гордостью. – Лично займусь. Через три часа будет готово.

Мы поднялись в общий зал, оба с чувством молчаливого согласия и облегчения. Он направился за свою стойку, я – к своему столику. Меня искренне восхищала его реакция. Другой на его месте впал бы в истерику, стал бы рвать на себе волосы, кричать о несправедливости. Борис же принял новость как данность, оценил риски и без лишних слов принял единственно верное решение. Для него главным были не стены, а люди под этой крышей – его семья. А на моих землях я мог дать им настоящую защиту. Это понимали мы оба.

– Сынок, подойди-ка, – приглушённый голос Клауса Вандермарта прозвучал в полумраке кабинета. Хозяин замка, восседая в своём массивном, обитом тёмной кожей кресле, неторопливо потягивал бордовое вино, наблюдая за танцем дыма от длинной, вишнёвой трубки.

Когда Вальтес опустился в кресло напротив, отец не стал тратить время на преамбулы. Вместо слов он указал резным

хрустальным бокалом на пергамент с тяжёлой сургучной печатью, лежавший на краю стола. Сын взял письмо, пробежал глазами по строчкам, и по его лицу, обычно сдержанному, расплылось довольное, почти хищное выражение.

– Я же говорил, он согласится, – проговорил Вальтес, откладывая королевский указ с лёгким, презрительным щелчком.

– Искренне рад твоему успеху, – кивнул Клаус, прищурившись. Пламя камина отражалось в его холодных, выцветших глазах. – А теперь слушай внимательно. Прежде чем ехать на аудиенцию и принимать из рук Его Величества новые грамоты, тебе нужно завершить уборку. Оба «гнезда» – Шторхаус и Ватерхольм – должны быть зачищены. Если твоих сил окажется недостаточно... склони их к подписанию акта о вассалитете. Потому как если королевские чиновники обнаружат, что эти семьи всё ещё дышат и не присягнули на верность нашему дому, у нас возникнут не проблемы, а настоящая буря неприятностей.

– Не тревожься, отец, – Вальтес откинулся на спинку кресла, положив ногу на ногу. – Это сущие формальности. Максимум через месяц я добью остатки их бродячих отрядов, что прячутся по чащобам. И тогда подписывать будет уже некому и нечему.

– Месяц – это время, которого у нас, возможно, нет, – мягко, но настойчиво возразил Клаус, мягко постукивая пальцем по трубке, стряхивая табак.

– Тогда я действую немедленно, – Вальтес поднялся, его тень, искажённая пламенем, метнулась по стене, увешанной портретами предков. – Мне только что доложили: в город вошёл новый отряд наёмников, ещё не нанятый. Постараюсь перехватить их раньше конкурентов и сразу же отправлю шарить по лесам в поисках крыс.

– Хорошо, что у тебя всё под контролем, – глава дома одобрительно кивнул, и в его голосе прозвучала редкая нота отцовской... не то что гордости, а удовлетворения от хорошо отлаженного механизма. – Когда титул графа окончательно перейдёт к нам, я отрекусь. Правление будет в твоих руках.

Вальтес, уже повернувшийся к выходу, замер и медленно обернулся. На его лице застыла маска неподдельного изумления.

– Почему, отец? – спросил он, хотя в глубине души уже давно строил иные планы, предполагающие более... ускоренную смену власти.

– У меня есть чувство, – Клаус сделал медленный глоток вина, глядя на сына поверх бокала, – что под твоим началом наш род может подняться ещё выше. До герцогской короны, например.

Они оба улыбнулись. Улыбки были холодными, лишёнными тепла, но полными взаимопонимания. Каждый знал истинные мысли другого. Один, чувствуя приближающуюся тень сыновьей амбициозности, предпочитал добровольное отречение насильственной кончине. Другой, оценивая

выгоды, понимал: живой, опытный отец с обширными связями – куда более ценный актив, чем мёртвый титул. Убийство было бы грубым и нерациональным упрощением. Мудрый правитель всегда ценит хорошего советника, особенно если тот добровольно уступает трон.

Парни решили остаться ночевать на постоялом дворе, а я, немного оклемавшись, вернулся в башню. Учителя я застал не в его кабинете, а во внутреннем дворе. Он стоял, прислонившись к каменной стене, и с неким философским спокойствием наблюдал, как Славка, обливаясь потом, старательно чистил и мыл лошадей. По расслабленной осанке и лёгкому свисту, с которым Тайлос попыхивал своей новой трубкой, было ясно – настроение у него сегодня благодушное.

– Учитель, нужно обсудить один вопрос.

– Раз нужно – излагай.

– Помните, я рассказывал, каким способом с рудников выбрались?

– Что, нагрязнили гости с напоминанием? – спросил он, даже не оборачиваясь.

– Как вы догадались? – невольно вырвалось у меня. – Мысли читаете?

– Нет, простая логика. Поздно вечером, в подпитии, незнакомцы с рудников... итог предсказуем. Убили?

Я лишь молча кивнул.

– Ещё вернутся. На этом дело вряд ли закончится.

– Я это понимаю. Но есть мысль. Когда поеду в столицу за «солью», пущу там слушок. Пусть сам граф теперь расхлёбывает. Сомневаюсь, что он докладывал королю о своей «находке».

– Смотри, Игорёша, врага наживаешь нешуточного, – Тайлос наконец обернулся, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на предостережение.

– Да он уже им является, по факту. Но я не об этом. Там получилось так, что под удар из-за нас попал Борис. Я предложил ему перебраться в мои владения.

– Здравая мысль, – учитель одобрительно хлопнул меня по плечу, едва не сбив с ног. – Такого кудесника у плиты днём с огнём не сыщешь. Знаешь, я его сам не раз пытался переманить, да он ни в какую.

– Он вольную жизнь любит. В услужение не пойдёт.

– Понимаю, – Тайлос грустно вздохнул, выпустив струйку дыма. – Так чего же ты от меня хочешь?

– Чтоб по приезду нам не пришлось ждать, пока он отстроит новую таверну с нуля. Вы как-то упоминали, что у вас есть артефакт, способный перемещать... ну, саму башню. Может, и его заведение можно так же перенести?

– Теоретически – могу, – кивнул маг, и в его глазах заиграли знакомые огоньки азарта. – Но для этого потребуется пятьдесят граммов чистого гания. Столько уходит на полную зарядку механизма. В остальном – препятствий нет.

– И где же мне такие сокровища взять? – у меня сами со-

бой приподнялись брови.

– Там же, где и пространственный артефакт найти изволил, – Тайлос прищурился и тихонько, довольным тоном фокусника, раскрывшего секрет, хихикнул. – Вот там и поищи.

– От вас, как всегда, ничего не утаишь.

– А зачем таить? – он развёл руками. – Ты – мой ученик, я – твой учитель. Не могу даже представить, что должно случиться, чтобы мы стали врагами.

– Бывает и такое, – честно признал я.

– Но тайны, Игорь, есть у каждого, – его голос внезапно стал серьёзным. – Особенно у таких, как я. Ты правильно делаешь, что не болтаешь, где раздобыл свою диковинку. И мне не говори. Главное – он у тебя есть, и ты им владеешь. Всё остальное – неважно. Мир полон алчных глаз и цепких рук. Молчи и не демонстрируй его попусту.

– Я и не демонстрировал, – попытался я защититься.

– Да ну? – Тайлос фыркнул, и его лицо снова расплылось в весёлой ухмылке. – А кто хвастал пре гостями вытащив кувшин вина в прямо из воздуха буквально вчера?

Я замер, поражённый. – Откуда вы...

– Держи карман шире, – он загадочно подмигнул и, резко развернувшись, направился к двери. – Всё, хватит болтать. Пора обедать. У меня после таких разговоров аппетит волчий просыпается.

– Как раз для такого случая наш общий знакомый лично встал у вертела, – я достал из браслета поросят, и запах за-

полнил кухню.

– Балбес, ученик, с этого и надо было начинать разговор, глядишь, и ганий я сам бы нашёл, – садясь за стол, он взялся за приборы.

– А может?

– Не может уже. Гони сюда поросю.

На следующий день, подчиняясь логике здравого смысла и ощущениям в каждом мускуле, мы остались на месте, давая телу залечить свежие ссадины и ушибы. Зато на вторые сутки, едва первые проблески зари окрасили небо в холодные тона, мы вновь собрались у Бориса. Основательно подкрепившись, мы выдвинулись в сторону форта. А что тут такого? Ну да, я позавтракал в башне, а после второй раз с парнями, ну вот есть мне хочется.

Караульные пропустили нас без лишних расспросов, только мельком взглянув на лица и сделав отметку в толстом, потрепанном журнале учёта. Форт содержался на королевскую казну, и казна требовала свою дань. Каждый, кто пересекал стену в поисках удачи, обязан был отдать двадцать процентов добычи. Для контроля даже держали мага с особым артефактом-искателем, который, как уверяли, мог почуять кристаллы сквозь любую преграду. В самый первый раз, спрятав всю добычу в недра пространственного браслета, я внутренне сжался, ожидая разоблачения. Но удача – или, как позже уточнил Дмитрий, принципиально иной уровень техно-

логий скрытия – оказалась на нашей стороне. Маг лениво провёл рукой над нашей группой, пожал плечами и махнул рукой, разрешая пройти. Однако злоупотреблять такой удачей было опасно. Отряд, который постоянно ходит в опасные рейды и никогда ничего не приносит, неизбежно вызывает подозрения. Откуда тогда средства на снаряжение, на еду? Значит, что-то находят, но утаивают. Поэтому периодически, после условной «оценки» скромной добычи, я расплачивался за проход звонкой монетой, хотя сборщики всякий раз смотрели на неё с нескрываемым разочарованием, предпочитая кристаллы. Но кристаллы были кровью моего роста, и разбрасываться ими я не мог себе позволить.

Мы уже углубились в извилистое, заваленное снегом ущелье, как в голову пришёл назойливый вопрос. Я мысленно обратился к ассистенту:

– Дима, а как вообще происходит создание компонентов для доспеха? Они что, материализуются прямо из воздуха?

Голос в сознании откликнулся с привычной неспешной точностью, и я внутренне приготовился к долгому и обстоятельному разъяснению.

– Вопрос требует уточнения терминов. Процесс называется «направленные ассемблеры». Компоненты не «создаются» в прямом смысле. Система использует считанные матрицы как чертежи, а запасённый ганий – как источник энергии и сырьё для молекулярного синтеза. Если упростить, можно провести аналогию с биопринтером, использующим...

И его понесло. Подробно, структурированно, с такими терминами, что даже мой мозг, не так давно «прокачанный» новыми пакетами данных, начал потихоньку перегреваться. Дмитрий, как всегда, был исчерпывающе точен. И это при том, что он действительно загрузил в меня новые информационные модули, сделав восприятие чуть более острым и глубоким. Однако выяснилась досадная закономерность: с каждым таким «апгрейдом» требовалось всё больше времени на усвоение и интеграцию новых знаний. Они не просто ложились поверх старых – они требовали перестройки нейронных связей, создания новых путей. Мозг, даже улучшенный, обладал конечной пропускной способностью. Порой казалось, что я становлюсь умнее, но при этом медленнее, будто мысли плыли сквозь густой, насыщенный сироп.

– Димыч, давай ещё разок, но для тех, кто не так умён, как ты. Кристаллы ты уже поглотил, матрицы считал. Объясни, когда я добуду последний кристалл, как ты из этого «ничего» появится броня или она что, прямо на теле вырастет? Или мне придётся идти в кузню какую? Начинай, но без излишней биологической жести и слишком умных терминов.

– Понимаю запрос. Процесс более корректен по сравнению с первоначальным предположением. Ты не будешь «пить» компоненты. Я, используя считанные матрицы и запасённый ганий в качестве энергии, выступлю в роли фабрики и прямоточной наноассемблёрной установки.

– То есть ты это сделаешь? Сам?

– Не совсем. Я управляю процессом. Ты – источник энергии и живая матрица. Разделю на этапы.

Этап первый: Развёртывание каркаса.

Я использую матрицы «Костяного Фундамента» для генерации инертного силового поля сложной геометрии. Оно повторит контуры твоего скелета с усилением в ключевых стрессовых точках – позвоночный столб, суставы, грудная клетка. Это – идеальная, невесомая «форма для отливки». Матрицы «Симбиотической Сети» будут использованы для создания системы наноканалов, которые свяжут этот каркас с твоей нервной системой и энергопотоками.

– А «Жидкая Сталь»?

– Это материал. На втором этапе – Фаза осаждения – я использую ганий для преобразования сырья в активные нанокластеры и начну напылять их слой за слоем на силовой каркас. Это будет похоже на контролируемое, ускоренное в миллионы раз напыление металла в вакууме. Каждый слой будет сплавляться на молекулярном уровне. Твоя задача – поддерживать постоянный, ровный поток маны. Она будет катализатором и связующим звеном, позволяя материалу не просто прилипнуть, а стать частью тебя.

– И что я буду чувствовать?

– Интенсивное тепло, глубокую вибрацию, давление изнутри. Боль – минимальна, это не хирургический процесс, а прецизионное наращивание. Главное ощущение – нарастающая тяжесть и... целостность. Как будто внутри тебя вырастает

тает ещё один, более прочный скелет.

– А если я не выдержу, прерву поток маны?

– Процесс остановится. Незавершённая структура будет нестабильна. Её придётся дезинтегрировать, а компоненты – утрачены. Это приведёт к травме, сравнимой с сильным вывихом и микротрещинами в костях. Твоя регенерация справится, но время и ресурсы будут потеряны.

– Понял. Риск есть. Придётся начать всё с начала. Что на третьем этапе?

– Симбиоз и активация. Когда структура достигнет заданных параметров, я отключу силовой каркас. Останется только выращенный слой. В этот момент произойдёт финальная нейронная и энергетическая привязка. «Хребет» станет восприниматься твоим мозгом как собственная часть тела. Включится пассивный функционал: усиление мышечного отклика, амортизация ударных нагрузок, стабилизация при использовании дара. Он станет твоим внутренним щитом от перегрузок системы.

– И управлять этим можно?

– На подсознательном уровне. Поначалу будет непривычно, но скоро ты перестанешь его замечать, как не замечаешь собственных костей. Он будет просто работать, пока ты жив и в системе есть энергия.

– И всё это... в полевых условиях? Мне просто активировать протокол и сидеть, концентрируясь?

– Корректно. Рекомендую состояние глубокой медитации.

Я возьму управление на себя. Твоя задача – быть источником питания и живой основой. Длительность процесса: от шести до восьми часов. Подготовь десять единиц концентрированной маны. И предупреди союзников, чтобы не тревожили.

– Десять эликсиров... Ладно, запасы есть. Спасибо за инструктаж, Дмитрий. Буду готовиться. Похоже, это будет самый долгий и странный «сон» в моей жизни.

– Аналогии допустимы. Я начну предварительную калибровку систем.

– А мы пока займёмся поиском недостающего кристалла.

Глава 4

Глава четвёртая.

Ах вы ещё и умные, ну я так не играю тогда.

Подгорное хранилище Предтеч. Центр управления.

В безмолвном зале, где воздух был стерилен и холоден, а единственным светом служило призрачное сияние голографических консолей, Инерион пребывал в состоянии непрерывного анализа. Его сознание, распределённое по сети, отслеживало тысячи потоков данных. Тишину нарушил идеально синхронизированный шаг. К нему приблизился Иневый Страж – одна из базовых боевых единиц роя, его панцирь отливал тусклым синим в свете проекций.

– Смотритель Периметра, – раздался механический, лишённый интонации голос стража, передаваемый напрямую в общее поле. – Обнаружено скопление биологических единиц. Наличие целевого объекта подтверждено: они несут утраченное Орудие Создателей.

Инерион не проявил внешней реакции, но все его процессы мгновенно переориентировались на новый приоритет.

– Координаты? – мысленный импульс был быстрым и чётким.

– Сектор двадцать восемь. Периферия, зона примыкания к внешней стене примитивных построек.

Мысли Смотрителя промелькнули со скоростью вычисления. Слишком близко к границе человеческого поселения. Риск преждевременного обнаружения и эскалации конфликта до масштабного был неприемлем.

– Дистанцию сохранить. Активных действий не предпринимать. Позвольте им углубиться в запретную зону. Наблюдение установить в максимальном приоритете.

– Приказ принят. Будет исполнено, – страж развернулся и бесшумно удалился, сливаясь с полумраком зала. Когда его присутствие растворилось, Инерион инициировал новый протокол. Через незримую сеть мгновенно разошлись команды. В глубинах комплекса, в ангарах и казармах, замершие до этого фигуры других стражей и более тяжёлых единиц – ледяных копейщиков и криокастеров – пришли в состояние готовности. Началось тихое, неумолимое развёртывание. Отряды должны были занять позиции, отрезав пути к отступлению, создать совершенную ловушку в глубине ущелий, подальше от любопытных глаз.

Наконец. Последний утраченный фрагмент наследия вернётся на своё место. После этого можно будет инициировать протокол окончательной консервации. Раса исполнит свою первичную директиву, а Рой погрузится в вековой сон, в терпеливое ожидание того дня, когда Создатели вернуться и оценят верность своих стражей.

Шёл уже пятый день наших бесплодных скитаний по ле-

дяным лабиринтам ущелья. Подобного не ожидал никто. Ни одного хрусталика, ни единого следа. Мы облазили каждую расщелину, заглянули в каждую подозрительную тень, каждую нору. Мы даже, преодолев смутное чувство дежавю, вернулись в тот самый тоннель, откуда когда-то бежали, спасаясь от лавины монстров, – и там царила мёртвая, леденящая тишина.

– Ладно, я так не играю! – выкрикнул я, и мои слова, отражённые эхом, разлетелись по пустым каменным коридорам. – Ау! Вы где?!

– Может, они все... кончились? – осторожно предположил Пётр, потирая замёрзшие руки.

– Сомневаюсь, – покачал головой Толястик (после рассказанной истории о происхождении прозвища мои друзья теперь звали его только так). – Помнишь, сколько их было в том городе? Такое поголовье и за столетие не выбить. Разве что гору на них обвалить.

– Это мы уже пробовали, – мрачно пробормотал я, в то время как мы углублялись в очередную пещеру, на которую наткнулись. Она, как и многие другие, была неестественно правильной, округлой формы, и теперь, зная чуть больше, я понимал – это работа не природы, а чьих-то машин. Картина складывалась в голове: древние Предтечи прочёсывали эти горы, как гигантские кроты, в поисках жиргания. Отсюда и эта сеть идеальных тоннелей. Эх, иметь бы сейчас карту этих ходов... Но мы бродили вслепую, как новорождённые котята

в лабиринте. Вопрос висел в ледяном воздухе: куда же все подевались?

– Так, друзья, – решительно заявил я, останавливаясь. – Сегодня ночуем здесь. А поутру попробуем вернуться и спуститься по тому самому тоннелю, откуда мы удирали. Уж там-то мы точно найдём, с кем скрестить клинки.

Мы развели неяркий, скупой костёр, разложили циновки, а благодаря моему браслету мы сидели на удобных стульях, чтобы не студить спины на вечном льду. Потянулись долгие часы разговоров – о выпитом вине, о встреченных женщинах, о первых синяках и детских драках. Обычный мужской трёп, уютный и бессмысленный, под который я, незаметно для себя, погрузился в тяжёлый, провальный сон. Пять дней в снежной пустыне высасывали силы, даже магические.

И вдруг – резкий, грубый толчок в плечо. Я вздрогнул и открыл глаза. Надо мной склонился Толясик, и одного взгляда на его лицо, искажённое в мерцающем свете углей, хватило, чтобы понять: что-то случилось. Что-то серьёзное.

– Петьку утащили.

Эти слова прозвучали тихо, но с такой чёткостью, что они пронзили остатки сна, как ледяной клинок. Я сел, протирая слипшиеся глаза, пытаясь наскоро собрать рассыпающиеся мысли.

– В каком смысле «утащили»? – голос мой был хриплым от сна.

– В самом прямом. Схватили и потащили. Куда – не ви-

дели. В темноте растворились.

Я молча наклонился, сгрёб пригоршню колкого снега и растёр им лицо. Холодная волна прочистила сознание, мир встал на свои места с резкой, неприятной ясностью. Теперь я был действительно проснувшимся.

– Остальные целы?

– Пока да. Но насчёт Петра не уверен.

– Жив, – уверенно заявил я, поднимаясь на ноги.

– С чего такая уверенность? – вклинился Флоки, его лицо в ответах костра было напряжённым.

– Потому что за всё время я ни разу не слышал, чтобы хрусталики кого-то брали в плен. Они либо убивают на месте, либо не трогают вовсе. Тела забирают, только если жертва – маг. А Пётр магом не является.

Я встал во весь рост, ощущая, как под кожей медленно разливается привычная, холодная ярость. Нужно было держать её в узде. Если взяли живым – значит, в этом есть цель. А какая цель, я мог предположить.

– Где его топор?

– Здесь, – Молчун без лишних слов протянул мне знакомое топориче.

– Хорошо. Значит, точно жив. Теперь рассказывайте, что произошло. От начала и до конца.

Флоки, откашлявшись, начал повествование, его слова вырывались короткими, отрывистыми порциями:

– Пётр отошёл по нужде. Я оставался у огня. Прошло ми-

нут десять, а его всё не было. Я пошёл проверить. За поворотом увидел, как он отбивается от трёх некрупных тварей...

– Рекруты, – автоматически пояснил я.

– Возможно. Так вот, когда он заметил, что из темноты выходит целый отряд, который отрезал ему путь назад, он швырнул мне через головы этих тварей свой топор и закричал, чтобы я бежал и отдал оружие тебе.

– Когда это было?

– Минут двадцать, не больше.

– Почему не разбудили сразу? – в моём голосе прозвучал упрёк, которого я тут же пожалел.

– Пытались. Ты не просыпался. Мы уже собирались идти сами.

Тут же я мысленно обратился к ассистенту:

– «Дима, что происходило со мной? Почему я так крепко спал?»

Ответ пришёл мгновенно, ровный и бесстрастный:

– «В организме шла активная перестройка тканей – подготовительная фаза к созданию «Хребта Титана». Пробуждение могло нарушить процесс и нанести ущерб. Поскольку прямой угрозы жизни не фиксировалось, было принято решение завершить цикл».

– «На будущее, Дмитрий, все подобные решения согласовывай со мной. Понятно изъясняюсь?»

– «Принято, Игорь».

Я глубоко вздохнул, переводя взгляд с одного встревожен-

ного лица на другое.

– Собираемся. И выбросьте из головы худшее. Им нужен не он. Им нужен этот топор. Поэтому они его и не убили. Они будут ждать, пока мы не явимся его выкупать. И мы явимся. Но на наших условиях.

Подгорное хранилище Предтеч. Центр управления.

Тишину операционного зала, нарушаемую лишь едва слышным гулом энергии, рассёк чёткий, резонирующий голос. Перед Инерионом замер, отбрасывая на полированный пол длинную ледяную тень, криокастер. Его статная, покрытая инеем фигура возвышалась над сидящим Смотрителем, но в этом не было вызова – лишь разница в физическом воплощении. Внутренняя же иерархия была незыблема: одно мысленное усилие Инериона могло разобрать мощного воина на молекулы.

– Смотритель Периметра, приказ выполнен, – донёсся отчёт, пронизанный холодной уверенностью. – Биологическая единица, носившая Орудие Создателей, захвачена. Однако субъект успел избавиться от артефакта до момента нейтрализации. В соответствии с протоколом приоритета, было принято решение сохранить цель живой.

Инерион воспринял информацию без малейшего внутреннего всплеска. Потеря непосредственного контакта с артефактом была нежелательна, но не критична. Логика криокастера была безупречна.

– Решение признано рациональным, – прозвучал ответ, ровный и безэмоциональный, как гладь подземного озера. – Они неизбежно предпримут попытку вызволения и, с высокой степенью вероятности, принесут утраченное наследие с собой. Рой отмечает эффективность. Отныне твой идентификатор – Крионикс.

Могучий воин склонил голову, и сквозь его ледяной панцирь прокатилась едва уловимая вибрация – аналог глубокого удовлетворения у существ, лишённых привычной биологии. Не произнеся более ни слова, новоиспечённый Крионикс развернулся и бесшумно удалился в глубины комплекса, к месту своего постоянного дежурства, в ожидании следующих команд.

Инерион остался в почтительной тишине, но его сознание уже было далеко отсюда. Пора было готовиться к встрече. Интуитивные алгоритмы, отточенные веками наблюдений, подавали слабый, но настойчивый сигнал. Возвращение наследия не будет лёгкой прогулкой. Что-то в паттернах поведения этих людей, в самой дерзости их проникновения, намекало на неучтённую переменную. Следовало активировать дополнительные протоколы наблюдения, пересмотреть расстановку сил и быть готовым к тому, что эти примитивные существа способны на неожиданные, иррациональные поступки. Сценарий нужно было просчитать до мелочей. Наследие должно было вернуться в лоно хранилища. Это был высший приоритет.

Когда мы собрались, то я какое-то время раздумывал, куда идти: напрямик по этому тоннелю, куда утащили Петра, или попробовать вернуться по тому тоннелю напрямик в центр управления. А уж оттуда, угрожая им тотальным разрушением, вернуть приятеля. Я понимал, они разумны. Может, даже разумнее нас, и теперь мне предстояло выяснить, кто окажется умнее. Так что же решить? Если пойду здесь, то они наверняка этого только и ждут и по-любому устроили ловушку. Да и зачем им договариваться, если можно тупо задавить нас числом. Вот тогда-то и пришла в голову идея.

– Уходим, – махнул я рукой и развернулся в сторону выхода из пещеры.

– Что?! Игорь, ты куда собрался?

– Я говорю, возвращаемся домой. Петра больше нет, забудьте про него.

– Ты сейчас серьёзно? – Толясик с каждой секундой накручивал себя, а я не мог сказать ему, что за нами наблюдают. – Ты же сказал, мы его вызволять пойдём.

– Не вижу смысла. Всё, нашего друга больше нет. Забудь.

– Да какой он друг тебе, если ты даже не попытался его вернуть, – закричал он.

– Толя, – к нему подошёл Молчун. – Если Игорь сказал «Уходим», значит, «Уходим».

Не знаю, как это у него получается, но наш приятель как-то разом сник и побрёл к выходу. Через два дня мы прошли

через ворота форта. Затем я свернул налево. За мной Флоки, Болтун, Молчун, и только Анатолий пошёл прямо.

– А ты что, с нами спасать Петра не пойдёшь? Мне казалось, вы дружны, – проговорил я, при этом улыбаясь краешком губ. Он стоял и смотрел на нас, не в силах понять, что происходит.

– Но ты же...

– Здоровый ты, Толя, а тупишь иногда не по-детски, а ещё слепой как котёнок, – стукнул его в плечо Флоки, что и сам был не меньших размеров. – Ты что, не видел, что за нами постоянно велась слежка? Хрусталик такой необычный, в виде летающего шарика. Он за нами следовал от самой пещеры.

– Нет, не видел.

– И мы поначалу не видели, – признался Болтун, – пока на него снег не упал, отчего маскировка спала, обнажая на миг его суть. Тут другое интересно, как его Игорь изначально заметил.

– Магия, – зевнул я и пошёл.

– Ну-ну, – хмыкнул Болтун, – темнишь, друг мой.

– Так мне кто-нибудь объяснит, что тут вообще происходит? – вопрошал Толя, но при этом догнал нас и пошёл рядом.

– Петра утащили из-за топора. Это факт. В схватку они почему-то не решили с нами вступать. Может, сказывается то, что они видели, на что я способен. В ловушку, которую

они нам устроили, я нас не повёл. Идти через тоннель, который мы сбегали, так же глупо. Потому я сделал вид, что мы простились с другом, и решил вернуться.

– А если они его убьют?

– Не убьют. Им нужен топор. Поверь, они куда рациональнее нас. Даже когда мы возвращались, они не предприняли атаку. Так что идём за нашим другом, но пройдем через люк. Оттуда они нас точно ждать не будут.

– Ты почему так в этом уверен? – не сдавался он.

– Потому что, мой большой друг Анатолий, я маг и знаю куда больше, чем ты. С нами, магами, сами боги разговаривают. Всё, пошли, нам ещё обедать надо, прежде чем лезть. Сил нет, как поросёнка хочется.

Он замер, а после, видя, что все стараются не ржать, потрянул головой и, догнав меня, пошёл рядом.

Подземные лабиринты. Шесть часов спустя.

До заветного люка мы добрались, когда солнце уже клонилось к горизонту, отбрасывая длинные синие тени. Сдвинуть массивный валун, загораживавший вход, оказалось не сложнее, чем отшвырнуть пустую бочку – с такими-то кабинами вместо спутников.

Спустившись в знакомую, пахнущую вечной мерзлотой и тишиной темноту, мы на этот раз даже не стали замыкать люк. Старая осторожность отступила перед новым знанием: хрусталики словно вымерли. Мы вышагивали по лабиринту

ущелья пять долгих дней, не встретив ни единой тени, и теперь эта мёртвая тишина въелась в кости. Если они и скрылись где-то, то явно не на поверхности. Мы двигались по знакомым, неестественно гладким тоннелям в полной уверенности, что коридоры пусты. Не могут же они, в самом деле, все до одного засесть в этих каменных кишках? Глупо было бы даже предполагать.

Оказалось – могут. И ещё как.

Мы только подошли к той самой, памятной комнате с рядами пустых сфер ниш, как из каждой щели, из-за каждого выступа хрустальной породы хлынула лавина хрусталиков. Это был не патруль, не разведотряд. Это была целая, мать их, армия. Одних рекрутов, этих угловатых ледяных солдат, набежало под тридцать, а за их спинами маячили иные, более тяжёлые силуэты. Копейщики.

И знаете что? Меня не охватил страх. Напротив, внутри что-то ликующе дрогнуло. Наконец-то. Наконец я выбью из них тот проклятый кристалл и увижу, что же это за «каркас» такой сулил ассистент. Живым он был нужен, мёртвому – соответственно нет.

Поэтому я не бросился вперёд с воплем. А лишь плавно, почти небрежно, сделал шаг назад, освобождая пространство для манёвра.

– Круг! – хрипло бросил Толясик, и мы инстинктивно прижались спинами друг к другу, отступая к более узкому участку прохода, где нас не могли окружить.

Первым, как и полагалось, атаковал я, размахнувшись топором предтечей. Лёд крошился под ударами с сухим, стеклянным хрустом. Но хрусталики, зажатые в теснине собственными же сородичами, не отступали. Они напирали, немые и неумолимые, их тупые ледяные клинки-рубила сыпались градом.

Именно здесь, в пекле давки и льда, я наконец воочию увидел разницу между Толястиком и моими парнями. Она была не в силе – мой старый друг рубил с медвежьей мощью, от его ударов в стороны взлетали не осколки, а целые веера ледяной крошки. Нет, разница была в слаженности. Молчун и Флоки двигались, как части одного механизма: один делал выпад, другой тут же прикрывал ему спину. Северянин уставал – Болтун без единого слова занимал его место, сметая противника. Это была отточенная месяцами боевая симфония, где каждый слышал музыку другого. Любо-дорого посмотреть.

Бой растянулся, время в подземелье текло иначе. Я заметил перемену первым: удары моих товарищей стали чуть тяжелее, дыхание – чуть хрипкое, а паузы между сменами – чуть дольше. Усталость, коварная и неумолимая, накидывала на них свои сети.

– Молчун, смени! – рявкнул я, в последний миг отпрыгнув от очередного рекрута и с разворота раскрыл ему топором гладкую лицевую пластину.

Я отскочил к стене, одной рукой продолжая работать то-

пором, а другой срывая с пояса два пузырька с густой янтарной жидкостью – эликсир выносливости. Швырнул их Флоки. Тот поймал на лету, ловко передал дальше Болтуну. Тот, не глядя, выдернул пробку зубами и залпом опрокинул в себя. И... ничего. Ни прилива сил, ни знакомого жара в жилах. Только горький привкус на языке и предательская тяжесть в мышцах, будто и не пил ничего, – сообщили они, когда я спросил их о результате. Как с Петром и Толей – они оказались обычными людьми. То есть местными.

Флоки, сжав губы, рванулся вперёд, сменив на передовой тяжело дышащего Молчуна. Я вытер рукавом пот со лба, вынул ещё один флакон и сунул его под нос Молчуну.

– Пей, только не всё, половину, этот немного другой, – прохрипел я, уже не надеясь, но отчаянно цепляясь за любую возможность. – Может, хоть на тебя работает.

Молчун, не проронив ни звука, поймал мои глаза коротким, вопросительным взглядом. Я ответил едва заметным кивком: да, пей. Он опрокинул пузырёк одним движением, проглотив густую жидкость с таким выражением лица, словно глотал растопленную смолу.

Эффект был мгновенным и ошеломляющим. Его зрачки, обычно спокойные и сосредоточенные, резко расширились, поглощая радужку. По скулам, под слоем пота, разлился болезненно-яркий, неровный румянец, будто под кожей вспыхнули угли. Мускулы на лице дёрнулись в странном, неконтролируемом тике, и на мгновение мне показалось, что его

черты буквально поплыли от переизбытка энергии, прежде чем вернулись на место. Весь его облик преобразился: плечи расправились, спина выпрямилась с неестественной, пружинистой готовностью. Он стоял, слегка подрагивая, как натянутая тетива, вот-вот готовая сорваться.

Да, этот эликсир был моим детищем. Самостоятельным, рискованным экспериментом. Я сварил его из остатков двух хрустальных сердцевин и чистого гания. Пришлось пожертвовать целым картриджем в качестве катализатора и стабилизатора. Дорогая цена, но результат... Результат заставлял сердце биться чаще. Качество финального зелья взлетело в разы, оставив далеко позади мои прежние, кустарные попытки.

– «Дмитрий, анализ?» – мысленно запросил я его тогда, когда мы только впервые приготовили первый эликсир и я снял пробу.

– «Гипотеза подтверждается, – мгновенно откликнулся ровный голос в сознании. – Обработанный ганий демонстрирует признаки высокоуровневой нанообработки, предположительно – технологии Предтеч. Структура очищена от биологических и энергетических примесей на уровне, недостижимом для современных методов. Они являются идеальным проводником и усилителем. Обратите внимание: ранее влитый в систему «Итератора» аналогичный материал повысил эффективность временного усиления навыка на два-

дцать пять процентов сверх расчётного значения».

– Ты чего мне дал такое? – голос Молчуна прозвучал непривычно высоко и сдавленно, прерываясь мелкой дрожью. – Меня трясёт, будто в ледяной прорубь окунули. Чувствую, что гору не сверну, а вот из штанов, кажется, сейчас выскочу.

– Эликсир выносливости, – коротко бросил я, прикрывая его спину ударом топора по ледяному клинку. – Только концентрированный. У тебя есть две, от силы три минуты, пока печка внутри не перегреется. Силы и выносливости тебе сейчас не занимать. Если бы ты выпил полный объём... – Я не стал договаривать, но он понял мою мысль без слов, мельком глянув на полупустой пузырёк с суеверным уважением.

И он пошёл. Не побежал – именно пошёл, тяжёлой, уверенной поступью человека, несущего внутри малую бурю. Его движения потеряли обычную экономную точность, приобретя размашистую, почти грубую мощь. Меч в его руках превратился не в инструмент, а в орудие тотального разрушения. Он не бил – он сминал. Угловатые фигуры Инеевых Стражей разлетались под его ударами не на осколки, а на облака ледяной пыли. Он проламывал их строй, как таран, не обращая внимания на царапающие удары по броне. Восемь. За те короткие, неистовые минуты он уложил восьмерых. Ледяная фаланга перед нами дрогнула и расступилась, образовав проход.

И именно этот проход стал нашей ошибкой. Освободившаяся брешь открыла вид на то, что пряталось за стеной рекрутов. Из полумрака тоннеля, с тихим, скрежещущим звуком ввинчиваясь в лёд, выдвинулся Глетчерный Копейщик. Его длинное, сегментированное тело из чёрного, как космическая пустота, льда изогнулось, нацелившись на Молчуна, который, истекая последними секундами эликсирной ярости, стоял в самом центре прочищенной им поляны.

– А вот и ты, мой дорогой, – я расплылся в улыбке, – где ж ты был всё это время, я тебя так долго ждал.

Говоря всё это, я побежал на него с топором.

Молчуна сменил Флоки, и мы вместе атаковали громадину.

Нам понадобилось всего ничего, чтоб с ним справиться. Я, конечно, не надеялся, что сразу с него выпадет кристалл, помня особенно про свою удачу, что вечно повёрнута ко мне «спиной», отчего знатно так обалдел, когда тот рассыпался и на каменном полу обнаружился красный кристалл. Подхватив добычу, сжал в кулаке.

– Анализ.

Прошла невероятно долгая, томительная секунда.

– Костяной фундамент. Строение отличное. Ингредиент для запуска усиления тела каркасом «Хребет Титана» собраны. Необходимо срочно найти защищённое место, где тебя, Игорь, восемь часов не будут беспокоить. Скажи им пусть уходят.

– Очень, мать твою, смешно. А вот этой толпе, что на нас напирает, мне что сказать? Мол, все свободны, прошу, можете расходиться, мне тут поспать надо.

– А ну свалили, – гаркнул я на хрусталиев. Больше от нервов, чем и вправду полагал, что они послушаются и разойдутся.

– Упс, а чего это они уходят?

– Слышь ты, умник, – обратился к Диме, глядя на то, как отступают враги.

– У тебя в руках оружие предтечей...

– Вот только не надо. Он без гания обычный, мать его, топор, а картриджей осталось всего ничего.

И тут случилось странное. Все, кто нас атаковал, сначала отпрыгнули единой волной, а после резко развернулись и убежали прочь.

– М-м-м, чего? Игорь, а раньше так сделать было нельзя? – Болтун стоял рядом и дышал через раз.

– А я-то тут при чём? Продолжая держать топор, я всматривался в убегающие спины местных обитателей.

– Ты им сказал свалить, вот они и свалили.

– Да глупости всё это. Что-то другое произошло, раз они ушли. Мог бы ими управлять, так на кой мне все эти качели?

Судя по их взглядам, мои слова их не убедили. Да и хрен с ними.

Мы постояли ещё немного, ожидая возвращения, но никого не было. Отдышавшись, мы двинули следом. Пройдя

в злополучную комнату, нас никто не встретил. Рекрут, что показался из прохода, тут же развернулся и убежал прочь.

Да что тут вообще происходит? – задался я вопросом, топая по очередному тоннелю.

Если вначале мы шли, опасаясь удара в спину, то через час мы топали с обычной скоростью пешехода. Пока не на-рвались на нечто ранее не встречавшееся. Такого монстра никто ни разу ещё не видел.

– Как же я скучаю по стекляшкам, они такие безобидные по сравнению с этим, – проговорил Флоки, делая шаг назад.

Глава 5

Глава пятая

Я своё слово держу, а ты передай своим кто друга тронет – завалю.

Подгорное хранилище Предтеч. Центр управления.
Какое-то время назад.

Тишина операционного зала перестала быть абсолютной. Её заполнил новый звук – низкочастотный, почти на грани слышимости, гул, похожий на закипание жидкого азота. Он исходил от неподвижной фигуры ламикрикса (Инериона). Голографические консоли вокруг него вспыхнули алым, вываливая в общее поле связи каскады предупреждений.

«НАРУШЕН ПЕРИМЕТР В СЕКТОРЕ 12А.

ПОТЕРЯНО: 43 ИНЕЕВЫХ СТРАЖА, ОДИН ГЛЕТЧЕРНЫЙ КОПЕЙЩИК.

ПРИЧИНА: ВНЕСИСТЕМНАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА «ИГОРЬ». МАГИЧЕСКИЙ ПАТТЕРН: «ХРЕБЕТ ТИТАНА» НА СТАДИИ ЗАРОДЫША. ОБНАРУЖЕН ГЕННОМОДИФИЦИРОВАННЫЙ ОРГАНИЗМ – СПОСОБНОСТЬ К ВЫБРОСУ ЭНЕРГИИ НЕ ОБНАРУЖЕНО. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ БРАСЛЕТ – АКТИВЕН. ОРУЖИЕ СОЗДАТЕЛЕЙ – МАЛЫЙ ЗАПАС ЭНЕРГИИ – ОТСУТСТВИЕ УГРОЗЫ.

ОЦЕНКА УГРОЗЫ: ПЕРЕКВАЛИФИЦИРОВАНА С «МЕСТНОЙ» НА «СИСТЕМНУЮ».

Инерион не шевельнулся, но все его процессы застыли на единой, неопровержимой констатации. Силовой сценарий, просчитанный на тысячу вариаций, рухнул. Эта биологическая единица была не просто сильнее. Она была иной. Она нарушала логику, выживая там, где должна была превратиться в ледяную статую. Она ломала расчёты, нанося урон, на который не должна была быть способна. Он должен был прекратить своё существование по расчётам системы уже двадцать семь раз.

Так же нарушая всю логику он избежал его ловушки. Ведь он должен был проследовать за своим человеком, но этого не сделал. А по всем наблюдениям у них имеется связь. Возможно, эта связь не так прочна, как желание обладать оружием создателей.

Прямой захват силами роя теперь влёт за собой неприемлемые потери и риск повреждения инфраструктуры. Мощности роя ограничены. Ловушка оказалась слишком хрупкой для этого объекта, что вызывало у роя вопросы к Инериону.

Пришло время сменить инструмент.

В поле сознания Инериона вспыхнул протокол, которому не было имени в языке людей. Он носил цифро-символьный код «ВОПЛОЩЕНИЕ- Σ » – Аватар Силы.

Тогда Смотритель вышел из тела ламикрикса, возвраща-

ясь в своё первоначальное состояние. Затем переместился в зал, где создаются криокастеры. Вместе с тем тихий гул нарастал, превращаясь в рёв. С пола вокруг него, со стен, с самого потолка, будто из невидимых ран, хлынули потоки сияющей субстанции. Это не был снег или лёд. Это была инеяевая основа – мириады самоорганизующихся нанокристаллов, праматерия[1], из которой Рой строил свои физические формы. Они вихрем закрутились в центре зала, сплетаясь и уплотняясь под диктовку воли Инериона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.